

Михаил Волконский

Мне жаль тебя, герцог!

Михаил Николаевич Волконский

Мне жаль тебя, герцог!

Аннотация

«Россия погрузилась в траур: 17 октября 1740 года скончалась императрица Анна Иоанновна.

Для большинства жителей Петербурга кончина государыни явилась событием совсем неожиданным, так как болезнь Анны Иоанновны тщательно скрывали. Зачем это делалось – было неизвестно, и, кажется, единственным объяснением этому служило просто-напросто суеверие – боязнь излишней огласки и того, что могут сглазить больную. Высокопоставленные лица, имевшие доступ ко двору, и послы иностранных держав, навещавшиеся во дворец, чтобы узнать о здоровье императрицы, получали неопределенные ответы, а то и вовсе их не получали; так, одному из послов вместо разговора об императрице предложили сыграть в карты...»

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	7
3	12
4	17
5	21
6	28
7	36
8	40
9	44
10	48
11	53
12	57
13	61
14	66
15	70
16	76
17	80
18	87
19	91
20	96
21	102
22	106

Михаил Волконский

Мне жаль тебя, герцог!

Часть первая

1

Вместо предисловия

Россия погрузилась в траур: 17 октября 1740 года скончалась императрица Анна Иоанновна.

Для большинства жителей Петербурга кончина государыни явилась событием совсем неожиданным, так как болезнь Анны Иоанновны тщательно скрывали. Зачем это делалось – было неизвестно, и, кажется, единственным объяснением этому служило просто-напросто суеверие – боязнь излишней огласки и того, что могут сглазить больную. Высокопоставленные лица, имевшие доступ ко двору, и послы иностранных держав, навещавшиеся во дворец, чтобы узнать о здоровье императрицы, получали неопределенные ответы, а то и вовсе их не получали; так, одному из послов вместо разговора об императрице предложили сыграть в карты.

В самый день 17 октября спешно были разосланы скоро-

ходы и курьеры с известием, что государыне плохо, и все, кто только мог, явились во дворец.

Любимец императрицы, герцог Эрнст Иоганн Бирон остался с ней незадолго до ее кончины, выпроводив из спальни всех, кроме графа Остермана, у которого в кармане был заготовлен проект духовного завещания Анны Иоанновны. Этот проект прочитали умирающей. Главными пунктами его были: передача престола малолетнему Иоанну Антоновичу и назначение впредь до его совершеннолетия регентом Российской империи герцога Курляндского Бирона.

Когда Остерман прочел этот пункт, умирающая императрица поглядела на своего любимца и спросила его:

– Надо ли тебе это, Эрнст?

Он опустился на колени у ее изголовья и стал, всхлипывая, говорить о том, что как же иначе ему, осиротевшему, без нее, что власть может остаться за ним только в том случае, если ее укрепит государыня своей державной волей.

Она взяла из рук Остермана перо, с трудом подписала завещание и, вздохнув, сказала Бирону:

– Мне жаль тебя, герцог!

Неизвестный

Смерть государыни и назначение регентом, то есть в сущности, полновластным хозяином России, герцога Бирона, произвели во всей России, а в Петербурге особенно, двойного рода впечатление.

Одни – это были немцы – не скрывали своей победы и торжества и открыто радовались упрочению своего полновластия; они, конечно, понимали, что если им было хорошо на Руси при жизни императрицы, когда немец Бирон управлял ее именем, то теперь, когда он станет творить свою волю от своего имени, им, его соотечественникам, будет полная лафа.

Другие – русские – грустили, а то и вовсе убивались, вздыхали и крестились.

Среди русских, в особенности при дворе, были, к сожалению, такие, которые старались подделаться к немцам ради устройства своих собственных дел и ради собственной выгоды; но в широких слоях русской массы, кажущейся как будто равнодушной, но на самом деле весьма чуткой, когда это нужно, началось брожение.

Правда, недавняя ужасная судьба Волынского, казненного всенародно на площади за то, что он посмел выступить против Бирона, страх перед беспощадным «словом и делом»,

беспрестанно раздававшимся повсюду, и рассказы о пытках сдерживали многих, но вместе с тем были и такие головы, что им именно и хотелось идти на риск, пострадать, если это нужно, потому что так жить, под гнетом иностранцев у себя на родине, казалось им невозможным.

Молодой Василий Гремин особенно остро чувствовал доходящую до обиды тоску по поводу случившегося. Уже второй день после того, как новость разнеслась по Петербургу, он никуда не выходил, довольствуясь теми сведениями, которые он читал в «Санкт-Петербургских ведомостях» и узнавал от старого дворецкого Григория. В подробности Гремин не вдавался, да ему и не нужно было их, ибо главное, то есть установление регентства немца Бирона, поглощало в себе все.

Неодетый, неумытый, непричесанный, Гремин слонялся по комнатам своего дома, не находя себе места, и лучше всего ему было, когда он подходил к окну и, прижавшись лбом к холодному стеклу, напряженно всматривался в туманные петербургские октябрьские сумерки, окутывавшие деревья сада, изредка оживляемые налетающим осенним ветром.

Почти уже оголенные ветви как-то беспорядочно-суетливо перекачивались одна к другой, рябили в глазах, и эти беспорядочнодвигающиеся ветки, казалось, единственно совпадали с его мыслями, и ощущаемый холод вполне соответствовал его душевному холоду.

«Добро бы, – думал он, – нас немцы завоевали – пришли,

побили и стали у нас господами, обратив нас в рабство, как некогда это сделали татары! А ведь тут простой конюх, грубый немец завладел русской властью, и мы перед ним опустили и руки и голову!.. И неужели так тому и быть?! Нет, невозможно это!»

Гремин круто повернулся от окна: ему захотелось поскорее, сейчас, сию минуту что-нибудь сделать, и он задвигался, заметался.

Он перешел в другую комнату – столовую, выходявшую окнами на улицу.

По улице двигались люди и проезжали экипажи, но Гремину казалось, что все они, эти люди, спешат, торопятся по своим делам, и никому из них нет нужды до того, что Россия покорена временщиком и что они все и он, Гремин, должны служить этому временщику, его прихотям, его власти, забыв не только о себе, но и о России.

Когда Гремин видел людей даже издали, он острее чувствовал свое одиночество, он думал, что так, как он, чувствует он один и не найдет больше никого, с кем он мог бы поделиться своей тоской.

В самом деле, он был одинок в этом широко раскинувшемся, так недавно основанном еще городе. Его отец, Гавриил Мартынович Гремин, был одним из молодых людей, которых Петр Великий посылал на выучку за границу. Времени он за границей даром не потратил, вернулся в Россию и, как яркий поборник идей великого царя, всю свою жизнь отдал на

устройство Петербурга. Старик Гавриил Гремин, в свою очередь, посылал сына Василия за границу, и, побывав в Германии, Василий узнал, каковы немцы у себя дома, каковы там порядки, и убедился, что хотя там, конечно, много хорошего, но и в России не так уж все и дурно, а родной обычай все-таки лучше иноземного. Как ни пытался старый Гремин переделать сына на свой лад, того все тянуло на щи да на квас, а от пива да кнастера он нос воротил.

Вся родня Гремина жила в Москве и внутри России. Своей матери Василий не помнил, так что, когда умер отец, он остался в Петербурге бобылем и собирался было ехать в Москву, которой он совершенно не знал, но которую любил и чувствовал...

В это время как раз скончалась императрица, а Россия была отдана во власть герцога Бирона.

Гремин прошелся по столовой и, несмотря на то что ему хотелось двигаться и ходить, сделал обратное: сел у стола, положил руки и опустил на них свою голову.

Долго или нет просидел он так, он не знал. Он не спал уже вторые сутки и помнил, что ему случалось в это длившееся словно томящая старость время забываться где попало. Так и теперь: он не то забылся, не то вовсе заснул. Но вдруг его словно ударило что: он поднял голову и увидел, что по другую сторону стола, прямо против него, стоит высокого роста человек и смотрит на него своими большими, выпуклыми черными глазами. Когда Гремин глянул на него, незнакомец

выждал несколько секунд, как бы для того, чтобы лучше он заметил его лицо, а затем положил на стол сафьяновый футляр, повернулся и вышел из комнаты.

А Василий был так поражен, что не смог сразу опомниться, и когда встал и кинулся за незнакомцем, того уже и след давным-давно простыл.

Оказалось, что никто из домашних не заметил прихода незнакомца. Правда, в прихожей как раз никого не было, но и на дворе, и у ворот, хотя там сидели люди, никого не было видно из чужих.

Произошло нечто поразительное и как бы сверхъестественное, и, если бы не оставшийся на столе футляр, Гремину голову отдал бы на отсечение, что просто человек с черными глазами ему во сне пригрезился.

3

Футляр

Футляр, оставленный на столе, был небольшой, красного сафьяна, с бронзовыми золочеными уголками и невысокий – такой, какой легко спрятать в кармане.

Гремин открыл его не без страха, и этот страх был настолько велик, что если бы не крайнее любопытство, то Василий и не прикоснулся бы к нему, к этой столь неожиданно попавшей к нему вещице.

Внутри футляра лежала небольшая коробочка, квадратная, вроде табакерки, золотая, с выгравированными на крышке фигурными литерами, чрезвычайно изящной работы.

Гремин долго разглядывал в нерешительности открыть ее или нет. Наконец он приподнял крышку и, заглянув под нее, увидел в золотой коробочке густо-зеленый порошок; но это был не табак, потому что он ничем не пах; вернее, по виду это был молотый, словно измельченный в пыль металл.

Вдруг Гремин закрыл коробочку, захлопнул футляр и кинул его на стол. Ему пришло в голову, уж не опасное ли какое-нибудь зелье тут, а может быть, яд, и он позвал Григория, чтобы посоветоваться с ним.

Старый дворецкий, не только бывавший с отцом Василия за границей и подолгу живавший там, но и научившийся го-

ворить по-немецки, никогда и ничему не удивлялся и неизменно хранил такое величавое спокойствие, что во дворе его считали чуть ли не колдуном, который знает и умеет больше других. Он вошел и, едва взглянув на футляр, кивнул головой и улыбнулся, словно этот футляр был знаком ему. По-видимому, это так и было на самом деле, потому что, не раскрывая его, Григорий сказал:

– Тут должна быть маленькая золотая табакерка с зеленым порошком.

– Вот именно с зеленым порошком! – подхватил Греммин. – А ты, значит, видал этот футляр и раньше?

Старик Григорий задумался и стал глядеть мимо молодого барина.

– Видел, – наконец произнес он.

– У моего покойного батюшки?

Григорий отрицательно покачал головой.

– У другого кого-нибудь?

– Да, у другого.

– Здесь или за границей?

– За границей.

– Что ж тут такое, и кому принадлежит футляр с коробочкой?

– Теперь он принадлежит вам, если вам его принесли и отдали. А больше ничего я вам не могу и не смею говорить!

– Ну а если я тебе прикажу?

– Воля ваша, господская, а только я имею приказание от

вашего батюшки, Гавриила Мартыновича, и послушаться этого приказания даже по вашему приказанию не осмелюсь.

– Как? Покойный батюшка запретил тебе говорить мне об этом футляре? Значит, он знал, что мне его принесут?

– Несомненно знал!

– Значит, тебе известен и тот, кто принес сюда эту вещь, этот человек с черными глазами?

– Известен, но только говорить мне об этом тоже запрещено.

– Тьфу ты! – рассердился Гремин. – Все запрещено да запрещено!.. Убирайся тогда со своим футляром... возьми и убери его!.. Я и глядеть на него не хочу!..

– А я посоветовал бы вам, Василий Гаврилович, спрятать это, как драгоценность! Может, придет время, когда вы обрадуетесь, что этот зеленый порошок именно у вас хранится.

– А я могу быть уверен, что это не яд и что это не какое-нибудь проклятое зелье, примерно предмет для волхования?

– Нет, батюшка, Василий Гаврилович! – ответил Григорий, – никакого тут предмета для волхования нет и вредоносного яда тоже; хоть к лампадке образа кладите, греха не будет. А сохраните вы этот порошок как последний дар родителя вашего и помяните лишний раз в молитве о его душе.

– Так что же, по-твоему, мне хранить, самому не зная что, и даже без надежды узнать когда-нибудь?

– Придет время, узнаете!

– Не могу ли я, по крайней мере, сам предпринять что-нибудь, чтобы раскрыть эту тайну?

Григорий опять загадочно и двусмысленно улыбнулся, опять покачал головой и со своим невозмутимым равнодушием проговорил:

– Конечно, батюшка, можете; я связан приказанием покойника, а вам запрета не положено. Только об одном прошу: обещайте мне, что, если розыск чинить станете, не называйте меня и не скажете, что я что-нибудь знаю, потому что уж если я вам ничего сказать не могу, то пред всяким другим, хотя бы перед самым герцогом Бироном, наотрез отрекусь, будь то даже на дыбе!

– Ах, не напоминай ты мне про этого Бирона! – воскликнул Гремин и снова заходил по комнате. – Как вспомню только, что Россия отдана ему в полное владение, так кулаки сжимаются, и, кажется, так бы на стену и полез!

– Да! – вздохнул Григорий, – не пожалела нас матушка-императрица покойная!.. И последние ее слова были к этому герцогу, люди говорили: «Мне жаль, дескать, тебя, герцог!»

– Расстаться ей с ним жалко было... взяла бы его с собой!

– Ну нет, Василий Гавриилович, так не говорите!.. Потому, не нам знать: пути Господни неисповедимы!.. Видно, так и должно быть по грехам нашим!.. Испытание нам посылается свыше!..

– Ну хорошо! Если мы нагрели тут, в Петербурге, так

за что же вся Россия должна терпеть?

– Значит, всей землей мы грешили; Господь потому испытует Россию, что любит ее! Сказано, когда мир не познал Бога в премудрости Божьей, в юродстве проповеди дал Господь спасение. Видно, нужно, чтобы народ почувствовал.

Гремин сделал усилие, стараясь понять слова Григория, но ничего не понял в них и только смутно почувствовал их правоту, и то больше благодаря уверенному, не допускающему возражения тону, которым говорил Григорий.

А вот и я

– А вот и я, – сказал Митька Жемчугов, вваливаясь к Гремину и отряхивая свою треугольную шляпу, с которой лилась вода. – Ишь, какой дождик!.. То есть, если бы не ты посылал за мной, ни за что, кажется, на улицу не вышел бы!

Да уж одно слово – Петербург, – проговорил по-прежнему сидевший у себя дома в шлафроке Гремин. – Разве тут может что быть в порядке? Вчера мороз, а нынче дождик!

– Ливень, братец!

– Басурманская страна, да и только!

– Ну а ты, вижу я, сидишь нечесаный и небритый, свинья свиньей. Что случилось? Зачем ты посылал за мной?

Гремин, получив невероятно-неожиданным способом сафьяновый футляр с таинственной табакеркой и не добившись ничего от Григория, послал за Жемчуговым потому, что за Митькой уже давно установилась такая слава, что если он захочет, то докопается до какой угодно самой сокровенной тайны. И сноровка, и нюх у него были совершенно замечательные на этот счет.

– Да вот, братец, тут дело у меня стряслось такое, – начал было пояснять Гремин.

– Но чего же ты свиньей сидишь? – перебил его Митька, видимо не очень торопясь выслушать его рассказ о «деле».

– Ах, да я сам не свой хожу! – ответил тот, махнув рукой. – Разве можно быть хладнокровным...

– А что так?

– Да как же, братец!.. Русский я или нет?

– Думаю, что русский!

– Ну так каково мне, если стал над нами Бирон!

– Он назначен регентом волей государыни!

– Мертвой! Она мертва уже, а мы ведь живые люди. Я рабом герцога Курляндского не хочу быть. Говорят, что перед смертью государыня сказала ему, что ей жалко его.

– Сказала!

– Ну вот, я и говорю, что жаль, что она его с собой не забрала!

– Слышь, Василий! – перебил его Жемчугов, – ты зря не болтай о том, чего не знаешь или понять не можешь!

– Да что тут такого понимать?..

– А вот что сказала государыня. Покойная императрица Анна Иоанновна была большого ума человек: может, при ней и управлял всем тот же Бирон, но властвовала она сама. В крепкой руке держала она скипетр. И что же, разве Российскому государству был какой-либо ущерб при ней? Нет, наша держава возвеличилась в Европе. И войны мы вели победоносные, и Россия расширила свои владения. Но не в том тут суть... А сказала эти слова государыня перед смертью Бирону потому, что он просил назначить его регентом...

– Ну?

– Ну вот тут-то, подписывая по просьбе герцога завещание с назначением его регентом, и сказала она, что ей его жаль, потому что понимала и знала, что подписывает ему приговор.

– Приговор?

– А ты думаешь как? Неужели ты полагаешь, что герцогу Курляндскому, бедному немцу, долго усидеть на правлении одному в России? Держался он, пока угодно было государыне держать его, ну а полез сам, тут ему и голову сломить...

– Постой, – стал спрашивать Гремин, – как же это так? Ведь теперь Бирон – регент, верховный правитель; кто же теперь сможет против него?

– А как ты думаешь – одни мы с тобой, что ли, которые чувствуют обиду, что чужой немец сел над нами? – серьезно заговорил Митька. – Ведь если ты чувствуешь это, то почему? Потому что ты – русский!

– Ну да, потому что я – русский.

– Так ведь, значит, каждый русский, в свою очередь, то же самое чувствует.

– Да кто посмеет заговорить об этом? Ведь «слово и дело» сейчас же закричат, и язык выдернут, и на дыбу поднимут... Ведь если мы с тобой говорим так, то только потому, что знаем хорошо друг друга, уверены, что друг друга не выдадим.

– Ну вот, может быть, нам и суждено с тобой свалить герцога...

– Нам с тобой?

– Ты слыхал сказку про великана? – пояснил Митька. – Прошел он громадные горы, добрался до самой вершины самой высокой горы; но тут попался ему под ноги маленький камушек: подвернулась нога у великана на том маленьком камушке, и полетел он со своей высоты. Говорили потом, что великан сам упал, а камушка никто не заметил, и о нем не говорили уже.

– И ты думаешь, это будет возможно?

– А вот увидим.

– Я душу отдам, всего самого себя! – восторженно проговорил Гремин.

– Нужно будет – потребую; помни, Василий! – проговорил Митька и, меняя тон, добавил: – Ну а в чем же состоит твое дело?

Митька снова устраивается

Митька Жемчугов внимательно выслушал рассказ Гремينا о том, как неизвестный человек с черными глазами принес ему футляр с табакеркой, содержавшей в себе таинственный зеленый порошок, и как затем этот неизвестный исчез.

Когда Гремин закончил говорить, Митька покачал головой, выпятил губы и произнес в задумчивости:

– Дело, брат, сложное, но занятное. Слыхал я и прежде про эти самые обстоятельства, но никогда не удавалось мне дойти до их сути!

– Постой, – стал спрашивать Гремин, – о каких обстоятельствах и о какой сути ты говоришь?

– Да вот об этой самой порошочной.

– Ты знаешь, какой это порошок?

– Знать-то еще не знаю наверное, но догадываюсь. Твой отец был знаком с графом Брюсом?

– Да, был.

– Имел с ним сношения?

– И очень тесные.

– Ну вот, то-то и оно!

– Ты думаешь, что этот порошок имеет какое-нибудь отношение к графу Брюсу?

– Я, брат, никогда ничего не думаю, а или знаю что-ни-

будь, или не знаю. Думают же умные люди да индейские пехуи; куда же нам с нашим рылом да в калашный ряд!

– Ну хорошо. Что ж теперь ты знаешь тут, а чего не знаешь?

– Знаю я, брат, что граф Брюс занимался алхимией и всякими такими науками, знаю, что в каких-то старинных книгах написано, что при «великом делании»...

– Это что ж такое: «великое делание»?

– Приготовление философского камня и золота. Так вот при великом делании в атонаре, то есть в сосуде, где на огне происходит приготовление, получается зеленый порошок.

– Такой, как у меня в табакерке?

– Этого не знаю, потому что никогда философского камня не готовял, золота не делал и зеленого порошка не видел. Вот и все, что мне известно, но утверждать, что у тебя в табакерке именно алхимический зеленый порошок, я опять-таки не могу. Может быть, это что-нибудь другое.

– Уж не знаю тоже, – сказал совсем равнодушно Гремин, – я никогда не видел, чтобы отец занимался алхимией.

– Ну да! Так тебе алхимик и будет говорить о своих делах непосвященным!

– Так отчего же отец не посвятил в них меня? Правда, я никогда не имел вкуса к подобным вещам...

– Ну вот видишь!.. Эх, посмотрю я на тебя, Василий, – проговорил Митька, оглядывая пухлую, белотелую фигуру приятеля, – совсем не по Петербургу ты человек. Тебе бы

не здесь, в чухонском болоте, киснуть, а туда, в глубь земли отправиться на пашню да хлеб родить.

– Да вот я то же говорю, – заметно оживляясь, подхватил Гремин: – лишь бы к мужику поближе. Я всю жизнь об этом самом говорю, да отец меня не пускал.

– Удивляюсь, как ты с такой жизни не спился! Много вот таких, как ты, погибло тут, в Петербурге, волей царя Петра Алексеевича. Впрочем, он говаривал: «Лес рубят – щепки летят!»

– Нет, брат, не то. «Лес рубят – пеньки остаются», – вот что ты скажи. Мне на родную землю хочется, чтобы силы снова набрать от нее.

– Так за чем же дело стало? Ведь ты теперь, со смертью родителя, стал свободен и полный хозяин своей персоны, и времени, и поместий, и денег... Соберись! Дом можешь продать; у тебя его любой немец купит за хорошие деньги. В деревне у тебя, почитай, целы еще дедовские хоромы с теремами и со светелками.

– Целы, Митька, целы! – с восторгом произнес Гремин.

– Ну так за чем же дело стало? Собирайся, отправляйся туда, и – конец!

– Я и то подумываю, серьезно подумываю. И уехал бы непременно, если бы не беда, случившаяся с Россией. Ведь подумай: если все русские люди уедут из этого Санкт-Петербурга да здесь одни немцы с Бироном так-таки останутся да начнут над Русью измываться, так ведь они ее, матушку,

уложат в лоск, против веры пойдут... Неужели допускать до этого?

Митька смотрел на Гремина, улыбаясь серьезной улыбкой человека, не обманувшегося в своих ожиданиях и с удивлением сознающего, что его расчеты полностью оправдываются на деле.

– Ну а ты разве сможешь помешать чему-либо, если останешься здесь? – спросил он.

Гремин отрицательно покачал головой и глубоко вздохнул.

– Нет, я себя героем не считаю и подвиги совершать не мне, но, оставаясь в Петербурге, я знаю, что буду живым укором здешним немцам как русский человек: посмотрят они на меня и пристыдятся. А ежели мне за русскую землю пострадать придется, так что же об этом говорить? За счастье сочту такой конец для себя.

– Это ты правильно рассудил, – одобрил Митька. – Ну а если ты вдруг в какую ни на есть немецкую мамзель влюбишься? Тогда что будет?

– Это я-то?

– Да, ты-то.

Гремин расхохотался – таким несуразным ему показалось предположение Жемчугова – и воскликнул:

– Нет, брат, теперь не до таких дел! Когда же теперь об амурах думать? Теперь надо о родной земле стараться и ради нее все остальное забыть. Мне ничего на ум прийти не может

теперь, кроме нашего общего горя.

– Да ты, брат, совсем хороший парень, – воскликнул Митька, – молодец, право слово, молодец!.. Так оно и следует. Ну а как ты думаешь поступать с тем, кто уже имел занюбу? Вот хотя бы взять сожителя моего Ваньку Соболева?

– Иван Иванович, у которого ты проживаешь? Что ж он?

– Да женится на днях, своим домом обзавестись желает. Такие у него обстоятельства подошли. Тут длинная история, и когда-нибудь ты о ней узнаешь. Пока же скажу – он свое счастье нашел!

– Ну а ты как же? – спросил Гремин.

– Как я?

– Ну да! Ведь если Соболев женится, так тебе у женатого человека оставаться на холостой ноге не приходится... Ты куда же денешься?

Жемчугов молчал. По-видимому, он еще сам себе такого вопроса не задавал.

– Не знаю, – проговорил он, – я о себе еще не думал. В самом деле, мне оставаться у него неловко, если он женится.

– Знаешь что, Митька, – предложил Гремин, – переезжай тогда ко мне! Право, будет все отлично: я ведь теперь одинок, дом у меня большой, я тебе отведу лучшую горницу, а уж рад буду, как не знаю что!

– А что же, – проговорил Митька, – и вправду, возьму и перееду к тебе. Ты мне понравился сегодня вконец. Знаем мы друг друга давно, но все-таки я не думал, что таков ты,

как это на самом деле. С тобой кашу сварить можно.

– И сварим! – Гремин протянул руку Жемчугову.

– Только откровенность за откровенность, – сказал тот, ударяя по руке Гремина. – Ты мне признался, что сердце у тебя, как это говорится, свободно, а я, брат, «пленен».

– И кто же твоя Пленира?

– Крепостная, брат, девка.

– Крепостная? И ты любишь ее?

– Очень.

– Простую крепостную?

– Не совсем она простая.

– А какая же?

– Да лучше всех Пленир из благородного звания.

– Образованная?

– Очень образованная. Ее, видишь ли, прежний ее помещик в актрисы готовил и обучил всему за границей. А теперь она досталась в крепость сестре его жены, дворянке Убрусовой.

– Послушай, так ведь тебе, чтобы жениться, нужно откупить ее!

– Вот именно.

– А много ли за нее эта Убрусова просит?

– А почему я знаю? Я не приценялся. Все равно денег у меня нет.

– Как же тебе быть тогда, Митька? Как зовут твою девушку-то?

– Аграфеной, а в сокращении зовут попросту Грунькой.

– Да, – вздохнул Гремин, – знаешь, легче, мне кажется, освободить Россию от немцев, чем обмозговать твоё дело.

– И потруднее дела обмозговывали! – махнул рукой Митька, не смущаясь. – Уж если только от немцев Россию освободим, так моё-то дело пустячным окажется впоследствии.

– Люблю тебя за то, что не унываешь, – проговорил Гремин. – Но как же твоё дело окажется пустячным, если мы от немцев Россию освободим?

– Да ведь тогда вместо немцев над нами свои русские сядут, – понижая голос, произнес Митька.

– Авось Бог даст.

– Ну и эти русские помогут мне в награду за мою службу жениться на Груньке. Только на это я и могу рассчитывать.

– Так я тебе буду вдвойне помогать тогда, – решительно заявил Гремин. – Ты мне веришь, Митька?

И Митька сказал:

– Верю!

Взгляд назад

Чтобы читателю было вполне понятно, как шел ход развивающихся событий и взаимоотношения действующих лиц, необходимо вернуться несколько назад и вспомнить обстоятельства, при которых появились на сцене главные герои этого правдивого повествования.

Всемогущий при императрице Анне Иоанновне герцог Бирон, этот жалкий немецкий выскочка, это создание слепого случая, как ни высоко забрался, все-таки никогда не чувствовал себя прочным на своей случайной высоте. Он знал, что его ненавидят в России, и, будучи человеком ограниченным от природы, всяческими способами старался заглянуть в будущее, чтобы увидеть там свою судьбу. С этой целью он держал при себе итальянца, доктора Роджиери, магнетизера, гипнотизера, чтеца чужих мыслей – вообще одного из тех проходимцев-авантюристов, которыми так изобилует XVIII век.

Герцогу удалось найти весьма подходящего субъекта для внушения, при помощи которого он, пользуясь услугами Роджиери, мог узнать свое будущее. Это была молоденькая турчанка, купленная в Константинополе на рынке рабов литовским помещиком Андреем Угембло, жившим постоянно в Гродно. Однако Угембло приобрел полудикую девочку во-

все не для своего гарема. Он привязался к ней, как к родной дочери, крестил ее именем Эрминии, воспитал по-дворянски и даже удочерил ее, несмотря на то что у него была и родная дочь Мария, вышедшая замуж за поляка Станислава Ставрошевского, авантюриста очень невысокого полета, продававшего свои услуги каждому, кто был в состоянии ему заплатить.

В то время в злополучной Польше шла яростная борьба за престол между Лещинским и Вишневецким, и Ставрошевский служил первому, а Угембло стоял за второго. В гневе на зятя старик лишил наследства родную дочь в пользу приемной, но Эрминия как раз была увезена из Гродно. Старик в горе пустился разыскивать ее. Между тем Эрминия очутилась в Петербурге, где Бирон поместил ее в пустовавшем доме среди сада на берегу Фонтанной. Сюда он нередко наезжал с доктором Роджиери. Итальянец погружал Эрминию в гипнотический сон и заставлял ее рассказывать о будущем курляндского выскочки, постоянно дрожавшего за свою власть.

Царствование императрицы Анны Иоанновны уже подходило к концу. У государыни развивался недуг, сведший ее в могилу. Для Бирона настали полные тревоги дни. Он понимал, что с Анной Иоанновной должно кончиться и его могущество, и изыскивал всяческие средства, чтобы удержаться на высоте и после ее смерти.

Бирон не ошибался в настроении русских. Среди них у

него были приспешники, холопы, но не было друзей. Даже в таком страшном учреждении, как Тайная канцелярия, такие страшные люди, как глава санкт-петербургских, времен Петра кнутабойцев Андрей Иванович Ушаков и его помощник, знаменитый впоследствии своими розыскными делами Шешковский, только и думали о падении курляндского авантюриста и даже стремились создать к этому всяческие подходы.

В этой страшной канцелярии в качестве тайного агента служил в то время молодой помещичий сын Дмитрий Жемчугов. Это был разбитной парень на все руки, веселый, гулливый, большой разумник, по характеру словно созданный для того, чтобы постоянно вращаться среди интриг и всевозможных хитросплетений.

О том, что он – правительственный сыщик и провокатор, знали очень немногие. Для большинства это был просто веселый товарищ, устроитель всевозможных проделок, никогда даже перед старшими за словом в карман не лазавший. Тайна, которой было окружено участие Жемчугова в сыске, соблюдалась так строго, что даже доверенный Бирона, старый немец Иоганн, приказал двум своим наемникам – латышу Пуришу и поляку Финишевичу – наблюдать за ним, как за опасным человеком.

Но Жемчугов не поддавался никаким ухищрениям согладатаев. Он всегда был настороже, да кроме того, его друг Шешковский не раз помогал ему выпутываться из опасных

положений.

Служа в Тайной канцелярии, Дмитрий Жемчугов, или попросту Митька, как его звали в кружках молодежи, ненавидел Бирона и постоянно думал только о том, как бы избавить Россию от этого иноземного тирана. Он даже подобрал себе компанию единомышленников, стремившихся к тому же и только ждавших такого случая, который позволил бы им осуществить свои замыслы.

Судьба улыбнулась Митьке и его друзьям: они провели о таинственных прогулках Бирона в лодке по Фонтанной, но не знали еще, куда и к кому он ездит.

Однако и тут Митьке помог всемогущий случай.

Он жил в квартире у своего закадычного друга, Ивана Соболева, тоже помещицкого сына, проводившего свое время в ничегонеделании. Соболев был парень весьма недалекий, но благодушный. Митьку Жемчугова он очень любил и не подозревал даже, где тот служит. Митька не раз пользовался добродушием Соболева и в один летний вечер зазвал его в герберг, то есть кабачок, близ Невской перспективы. Он разнюхал, что в этот вечер герцог поедет по Фонтанной, и решил выследить, куда тот ездит. Соболев нужен был ему как лишний человек при этой слежке.

Однако вышло так, что у Митьки и его компании завязалась ссора с офицером-немцем бароном Цапфом фон Цапфгаузенем из-за молодого турка Ахмета, которого надменный немец захотел избить для своей потехи, и Митькина

компания, не дождавшись Соболева, разошлась.

Между тем Соболев, отправившись в герберг к приятелям, заплутался в лесу и попал к дому, где жила Эрминия. Он увидел девушку и тотчас же влюбился в нее. Когда же к берегу подъехала лодка с неизвестным ему господином, он внезапно почувствовал ревность и принялся расспрашивать оставшегося в лодке гребца, кто такой его господин и зачем он приезжает к заброшенному дому. Гребец, оказавшийся поверенным Бирона, заманил его в лодку и свел в Тайную канцелярию, где Соболев был арестован. Шешковский знал его в лицо и тотчас же посадил к нему в каземат Митьку, который выведал у приятеля все об пустовавшем доме и жившей в нем одиноко красавице-девушке.

Когда Жемчугов рассказал признания своего друга Шешковскому, то оба вообразили, что красавица – любовница Бирона и что, разоблачив любовные шашни фаворита императрицы, они тем самым ускорят его падение.

В этом направлении они и решили действовать. Соболеву была дана возможность убежать, а пустовавший дом был подожжен. Митька и его приятель, князь Шагалов, увезли Эрминию, бывшую в полуобморочном состоянии и устроили ее в ближайшем доме, где жила Мария Ставрошевская, находившаяся, как и Жемчугов, на службе в Тайной канцелярии. Чтобы доставить девушку, они воспользовались каретой случайно проезжавшего мимо барона Цапфа фон Цапфгаузена, пользовавшегося благосклонностью Ставрошевской.

Мария, как только увидела Эрминию, сейчас же признала в ней приемную дочь своего отца и прежде всего похитила ее талисман, который, как она была уверена, приносил ей счастье. Затем, осмотрев Эрминию, она поняла, что девушка находится в гипнотическом сне. Будучи и сама гипнотизеркой, она освободила бедняжку от внушения, но ненадолго.

Через барона Цапфа фон Цапфгаузена местонахождение Эрминии стало известно немцу Иоганну, а затем и Бирону. К Ставрошевской явился доктор Роджиери и стал требовать, чтобы ему выдали девушку. Мария отказала. Тогда Роджиери, явившись ночью к ее дому, попытался внушением на расстоянии выманить из дома Эрминию, но его тяжело ранил турок Ахмет, оказавшийся родным братом девушки. Бесчувственного Роджиери внесли в дом Ставрошевской, а на другой день к ней явился сам герцог и потребовал, чтобы девушка была отдана ему. Однако Мария смело заявила ему, что Эрминия уже ушла от нее, чтобы отправиться в Гродно к родным. На самом же деле Эрминия была увезена Соболевым в Петергоф, где Митька устроил ее на даче своего приятеля, князя Шагалова.

У Митьки в доме Марии Ставрошевской был свой человек: влюбленная в него горничная Грунька; это была горничная не простая, а воспитанная своими господами, как «нимфа и актриса» крепостного театра. Смышленая от природы, она была настолько образованна, что говорила по-французски, по-немецки, была смела, бойка и могла разбираться в

интригах — словом, подруга во всем под стать Митьке Жемчугову.

Грунька выкрала у своей барыни и отнятый ею у Эрминии талисман, а также одно важное письмо, которое уличало в измене князя Трубецкого, дававшего из-за этого письма Ставрошевской средства на содержание.

Все это было передано Грунькой Жемчугову, и он воспользовался талисманом, чтобы получить власть над Марией.

Незадолго до этого около Ставрошевской очутился ее муж, скрывавшийся под именем Финишевича. Мария указала ему, что если бы Эрминия умерла, то наследство ее отца перешло бы к ней. Финишевич-Ставрошевский отправился с Пуришем в Петергоф и там, проникнув на дачу князя Шагалова, нанес Эрминии тяжелую рану кинжалом; однако, когда он возвратился к жене, та выдала его Бирону в качестве преступника, потребованного к выдаче польско-саксонским министром Генрихом Брюлем. Финишевич-Ставрошевский был арестован, а в покушении на убийство Эрминии был невинно обвинен барон Цапф фон Цапфгаузен, разыскивавший девушку по поручению доверенного Бирона, Иоганна.

Барон был прелюбодейным сыном этого старого немца, и Иоганн, чтобы спасти сына, стакнулся с Жемчуговым. Митька потребовал от него, чтобы Эрминия была взята во дворец и чтобы с ней вместе были взяты Мария Ставрошевская и Грунька. Иоганн устроил все это для него.

Когда Ставрошевская узнала, что Эрминию собирается посетить герцог, она уведомила о том Митьку. Тому показалось, что задуманная им интрига приведет к желанному концу, то есть к падению Бирона. Он настоял на том, чтобы Ставрошевская уговорила императрицу Анну Иоанновну пройти в соседний со спальней Эрминии покойчик, откуда ревнивая престарелая императрица могла бы увидеть, чем занимается с молодой красавицей ее возлюбленный фаворит.

Но его хитрый замысел не удался: императрица заболела и не могла подняться с постели. Да и без того план Митьки все равно потерпел бы неудачу: герцог явился к Эрминии с Роджиери вовсе не для того, чтобы заниматься любовью. Роджиери погрузил красавицу в гипнотический сон и заставил ее сказать герцогу, что он скоро будет регентом, то есть возвысится еще более.

Так и вышло: Анна Иоанновна умерла, и выскочка Бирон стал после ее смерти полновластным повелителем России.

– Теперь плод созрел и скоро упадет! – сказал Шешковскому проницательный Ушаков.

Однако Митька Жемчугов, потерпев неудачу, не унылся. Эрминия стала женой Соболева, Финишевич-Ставрошевский бежал за границу, Мария с доктором Роджиери уехали в Италию, а Жемчугов снова принялся за свои хитросплетения; с началом их читатель был уже ознакомлен в предшествующих главах этого правдивого повествования.

Митька и Грунька

Порешив с Греминым и неожиданно обеспечив для себя свое дальнейшее беспечальное существование в Петербурге. Митька Жемчугов направился в Летний сад, где его должна была сегодня ожидать Грунька в этот час.

Дождик прошел; как часто бывает в Петербурге в октябре, неизвестно откуда взявшийся ветер вдруг разогнал облака и выглянуло солнце, заблестев на холодных, словно застывших лужах.

Жемчугов шел, минуя лужи, изредка перепрыгивая с бревна на бревно бревенчатой мостовой, которой был вымощен тогдашний Петербург. Хотя Митька определенно высказал Гремину свои надежды на будущее, но он был такого склада человек, что, оставаясь наедине с собой, никогда не думал о будущем, а также никогда не обращался праздными мыслями к прошедшему. Вообще мечтательность была совершенно чужда ему. Если он о чем-нибудь думал, то это непременно были совершенно определенные соображения на заданную, так сказать, самому себе определенную тему.

О собственной жизни и удобствах Митька никогда не заботился; он как-то был уверен, что все, что нужно, сделаетса само собой, если, конечно, он не нарушит течения своей жизни ленью и инертностью. На мелочи жизни он смотрел

презрительно, и действительно всегда случалось так, как вот теперь с Греминым, что у Митьки Жемчугова в нужный момент являлись обстоятельства, вполне устраивавшие его.

В Летнем саду он встретил Груньку в условленном месте и увидел ее издали еще.

Высокая, стройная, затянутая по моде в корсет, закутанная в суконный, вишневого цвета плащ с черным шелковым капором на голове, она имела вид вовсе не хуже любой девицы знатного происхождения, и никто даже вблизи не узнал бы в ней крепостной горничной госпожи Убрусовой, проживавшей во флигеле своего дома, который она должна была отдавать внаймы для того, чтобы существовать.

В ту пору в Летнем саду встретить такую парочку было вовсе не редкостью, и никто не обращал внимания на них.

Жемчугов, шурша валявшимися под ногами листьями, ускорил шаги навстречу Груньке и, подойдя к ней вплотную, повернулся и пошел с ней рядом.

– Знаешь что, Митька, – заговорила она серьезно и деловито, – чем больше я думаю о том, что ты затеваешь...

– Это жениться-то на тебе? – переспросил он ее.

– Нет не то.

– А что же?

– А вот то, как ты желаешь прийти к этому.

– И приду, вот увидишь!

– Послушай. Да ведь тебя двадцать раз сотрут в порошок, прежде чем ты хоть один шаг сделаешь.

– Ты не веришь мне, что ли?

– Тебе-то я верю, что тебе хочется и регента новоявленного свалить, и меня своей женой назвать.

– И назову!

– Ну а вот от хотенья-то еще далеко до исполнения.

– Слушай, Грунька! Хотя ты и на бабьем положении, но только тебе одной я сказал о своих мыслях и планах, и то только для того, чтобы успокоить тебя, чтобы ты не тревожилась, что я свое сделаю и своего добьюсь. Сорвется раз, сорвется другой, третий, но наконец подействует. Я тебе, если сомневаешься, поясню еще больше, но уже в последний раз, дальше ты от меня ничего не узнаешь. Ни с кем в мире – понимаешь? – ни с кем в мире об этих планах я говорить с такой точностью не буду, и ты мне не смей потом напоминать о них, а уж сама кому-нибудь рассказывать и не думай – убью! Ты вот рассуждаешь – сам немец со своими немцами полновластным и всесильным регентом над Россией стал, и вдруг какой-то Митька Жемчугов без средств, без связей, не вельможа, похваляется свалить Бирона, с которым даже такой вельможа, как Артемий Волынский, не только ничего не мог поделаться, но и сам пошел на эшафот? Стой, Грунька, не перебивай, слушай! – остановил он ее, видя, что она хочет сказать что-то. – И вот этот самый Митька, – продолжал он, – все-таки говорит тебе, что он свалит герцога Бирона, а затем, вместе с другими русскими людьми, свхвырнет и вовсе их управление Россией. Ты рассуждаешь, что я – ничтожество в

сравнении с Бироном. Но в этом самом моя сила и есть. Бирон не будет знать о том, откуда идет опасность для него. А опасность большая, потому что хотя у меня и нет власти, нет денег, нет положения, но у меня есть знания событий и людей и башка, чтобы направлять людские страсти. Моя сила в том, что я имею дело с мелкими людишками, страстишки которых погубят их самих, если только умеючи направлять их, а для того чтобы направлять эти страсти, чтобы играть ими, вовсе не нужно занимать высокое место. Мы с тобой сделаем больше, чем даже нужно будет, и кругом найдем повсюду помощников... Слушай, Грунька! Регентом стал только один Бирон, но вместе с ним желают соуправлять Россией еще двое: фельдмаршал Миних, сподвижник императора Петра Алексеевича, и второй кабинет-министр барон Андрей Иванович Остерман.

– Ну? – спросила Грунька, потому что Жемчугов приостановился.

– Ну вот, – продолжал он, – эти немцы должны съесть друг друга. Бирон жесток. Миних горд и властолюбив. Остерман же хитер, умен, а потому сильнее их обоих. Надо стараться, чтобы Миних съел Бирона, и тогда Остерман съест Миниха. А всему поможет принцесса Анна Леопольдовна, мать государя Иоанна Антоновича. У нее тоже есть страсть, на которой легко сыграть можно.

– Страсть?

– Она влюблена!

8

Секрет

– Вот когда ты говоришь так, а я тебя слушаю, – сказала Грунька, – то мне кажется, что и впрямь ты можешь сделать все, о чем замышляешь. Так ты говоришь, принцесса Анна Леопольдовна влюблена?

– Совершенно верно, – вдруг повышая голос, проговорил Жемчугов, – ваши прелести, сударыня, равняются внутренним вашим качествам, и ежели вы обратите внимание на нежные чувствования вашего покорного слуги...

Грунька оглянулась и увидела, что за ними идет какой-то человек, довольно откровенно прислушивающийся к их разговору, поняла, что Митька своевременно тоже заметил его и нарочно свел разговор на обычные в то время любезности, чтобы их приняли за самых обыкновенных влюбленных, гуляющих по Летнему саду ради амурного свидания.

Уловка удалась. Соглядатай, услышав о «прелестях» и «нежных чувствах», отстал от них.

– И выворотил же ты этакое! – усмехнулась Грунька.

– Да ведь нельзя же, – деловито произнес он, – к нам прислушиваться стали. Знаешь что? Говорить тут, в саду, как следует, совсем несподручно, а я хочу именно сегодня рассказать все, потому что такая линия, видно, пришла; мне нужно, чтобы ты помогала мне, а для этого ты должна знать

все приходящие обстоятельства. Словом, пойдем, найдем такое место, где мы могли бы разговаривать в полной безопасности.

– Пойдем, пожалуй! А далеко это?

– Нет, тут сейчас, через Царицын луг перейти только, на Миллионной.

– Что это за место?

– Секрет! Да ты никак боишься? – Они выходили в это время из Летнего сада.

– Нет, Митька, – оборачиваясь к нему всем своим радостно улыбающимся лицом, проговорила Грунька, – с тобой я хоть на край света пойду!

– Вот это так! – одобрил Митька, а затем, посмотрев на нее, добавил: – Эх, Грунька! Будет и на нашей улице праздник или нет?

Она ничего не ответила, а только пошла скорее и как будто еще бодрее, чем прежде, нагнув голову и запахивая на ходу свой плащ, борясь с задувшим им навстречу ветром.

Жемчугов шагал за ней сначала тоже молча, но на лугу поравнялся и проговорил:

– Сюда иди, налево!

– Как налево? – удивилась Грунька, – в самом деле? Ты же говорил, что на Миллионной?

– Ну да, на Миллионной есть кофейня немецкая, и в ней сзади существуют отдельные комнатки; войти же в эти комнатки можно только со стороны набережной реки Мойки...

Понимаешь?.. Чтобы незаметно было. Эти комнатки и называются «секретом». Вот туда мы и пойдем. Подозрения ни в ком не возбудим, потому что там часто потихонечку парочки на свиданиях бывают.

Они направились к набережной Мойки, по-тогдашнему Мыи, куда выходили зады дворов и домов, лицевая сторона которых тянулась по Миллионной.

– Вот видишь, это – службы Густава Бирона, брата герцога, – показал Жемчугов, – на всякий случай запомни! А вот и вход во двор при кофейне.

Они повернули в ворота довольно просторного, кругом обстроенного службами, двора, поперек которого шла прямо к крыльцу аллея молодых деревьев, тщательно выровненных и подстриженных.

– Это и для парадного хода хорошо, а не то, что для заднего крыльца! – одобрила Грунька.

С крыльца вела дверь в полутемный коридор. Встретивший их здесь человек поздоровался с Митькой, как знакомый.

– Зеленая свободна? – спросил Жемчугов, направляясь вперед, как, по-видимому, давно знакомый и привычный гость.

– Проходите, свободно! – ответил человек и впустил их в небольшую комнатку, обитую расписанным под листья деревьев и кустов холстом.

На низком потолке ее были изображены небо с облаками

и летящими птицами, а все убранство состояло из стола, покрытого цветной скатертью, и четырех стоящих вокруг него кресел с высокими спинками. В углу был сделан камин, и на нем висело маленькое зеркало, сильно потертое.

– Вот это самый «секрет» и есть, – сказал Митька. – Ну снимай плащ и распоряжайся. Ты голодна?

– Чего голодна, – ответила Грунька, – я сегодня обедала.

Это надо запомнить

– Ну так что же мы тут делать будем? – проговорил Митька, – ведь здесь так, не спросивши ничего, нельзя сидеть. Уж если пришли сюда, то надо дать доход хозяину: здесь кофейня, а не кулуар для разговоров.

– Ну будем кофе пить, если тут кофейня.

Жемчугов прищурил один глаз, подмигнул и щелкнул языком.

– Знаешь, братец, – обратился он к человеку, – принеси ты нам глинтвейну тепленького – как раз по погоде будет, да сыра немецкого сливочного. Насчет же кофе посмотрим; может, и кофе выпьем потом.

– Ты чего ж это кутить-то вздумал? – остановила его Грунька.

– Да без смазки-то говорить в горле будет трудно – все равно, что сукном в горле трешь, а с примочкой – слова сами идут.

Грунька усмехнулась.

– А теперь слушай, – заговорил Митька, как только лакей ушел, чтобы принести потребованное, – слушай хорошенько и запомни. Эта вот зеленая комната – единственная, в которой можно разговаривать без опаски здесь. Все остальные комнаты у немца в кофейне устроены так, что можно из на-

рочно для сего приспособленного тайника слышать все до последнего слова, что говорится в них. Так и знай! Если когда-нибудь попадешь с кем-нибудь сюда, к Гидлю – это кофейня немца Гидля, – то боже тебя сохрани язык распускать: все будет услышано. А здесь, в этой зеленой, еще ничего, можно быть без опаски.

– Да с кем же мне и зачем попадать сюда? – спросила Грунька.

– То ли еще будет!.. Может, еще не сюда попадешь! Мне все твое умение нужно и актерство; ведь ты кого хочешь обыграть сможешь?

– Кого хочешь, на это меня станется!

– И графиню, и княгиню, и под маской маскарадную интригу разведешь?

– В лучшем виде!

– Ну то-то! Помни: если свергнем немцев, тогда в награду твое освобождение из крепости, и я пожениюсь на тебе, Грунька!

Она ухмыльнулась, потупилась и покачала головой.

– Кто ж это награждать нас станет?

Митька перегнулся к ней через стол и в самое ухо едва слышно произнес:

– Государыня Елизавета Петровна, когда взойдет на принадлежащий ей императорский российский престол!

Но вдруг он звонко чмокнул Груньку в щеку, заметив, что дверь открывается и входит слуга с подносом. Конечно, лучше

было, чтобы этот слуга увидел, как они целуются, чем обращать внимание на то, что между ними происходит политический и весьма «опасный» разговор.

Грунька отшатнулась от Митьки и жеманно произнесла:

– Ах, оставьте, сударь!.. Труд бесполезный. Поищите себе другой особы любезной!

Слуга, поставив поднос, поспешил удалиться, видимо вполне уверенный, что имеет дело с одной из обыкновенных любовных «авантюр», каких бывало у Гидля по десятку в день.

– Да ты – совсем молодец! – одобрил Груньку Жемчугов, когда они снова остались одни. – Отлично всякую всячину разыгрываешь!

– Ну довольно об этом! – серьезно сказала ему Грунька, берясь за стакан с глинтвейном, и, отпив из него, добавила: – А ведь вкусно!

– Ну еще бы! – согласился Митька.

– Я вот чего в толк не могу взять, – продолжала она, – как это при жизни Елизаветы Петровны, родной дочери императора Петра, вдруг престол наследует не она, а сын Брауншвейгского принца, да притом молоденький. Положим, при Елизавете Петровне не могло бы быть и регентства Бирона, но как это произошло? Анна Леопольдовна чья дочь будет?

– Она – дочь Екатерины Иоанновны.

– Голштинской?

– Нет, герцогиня Голштинская – это Анна Петровна, стар-

шая дочь императора Петра.

– Ну вот и я так же смекаю, что она – старшая дочь императора и что ее внук...

– Ее внук – Петр, и он живет сейчас в Голштинии. Это – особь статья.

– Ну а Анна-то Леопольдовна – чья же дочь?

– Говорят тебе – Екатерины Иоанновны Мекленбургской, родной сестры умершей императрицы Анны Иоанновны.

– Постой, ничего не разберу! Голштинская, Мекленбургская; тут запутаешься. Ты мне раз и навсегда объясни подробно.

– Ну хорошо, я тебе все политические конъюнктуры растолкую, а ты уж запомни их раз и навсегда! Это необходимо.

Политические конъюнктуры

Митька Жемчугов отпил несколько больших глотков глинтвейна, закурил голландскую трубочку и стал рассказывать, в то время как Грунька принялась намазывать масло на хлеб и есть его с сыром.

– Вот видишь ли, – говорил он, выпуская большой клуб дыма, – когда умер император Петр Алексеевич, то после него поставили на престол императрицу Екатерину, его супругу. А сделал это Меншиков в расчете, что он-де будет всем вертеть сам от имени самодержавной императрицы Екатерины. Но это не вышло. То есть, вернее сказать, оно сначала как будто бы и пошло у него на лад, и даже императрица его родную дочь хотела выдать замуж за наследника тогдашнего престола Петра Алексеевича Второго, но, процарствовав всего два года и не успев женить наследника, скончалась. На престол взошел, значит, этот самый наследник Петр Алексеевич, двенадцати лет. Он приходится родным внуком Петру Первому от его первого брака с боярышней Лопухиной. Ну-с, с молодым внуком великого царя у Меншикова дела совсем испортились, и он полетел, сударыня ты моя, в лучшем виде, как обыкновенно летят временщики в конце концов и как полетит и Бирон тоже...

– Твоими бы устами да мед пить! – сказала Грунька.

– Ну пока глинтвейна попьем. Так вот Меншиков полетел... Хорошо! А молодой император переехал в Москву и новшества всякие стал не особенно долюбивать заморские: он не в деда пошел, а в отца – цесаревича Алексея Петровича, преждевременно скончавшегося... Охоту любил, делами занимался не прилежно, влюбился в тетку свою Елизавету Петровну. Вертели им, как хотели, Долгоруковы. Однако, процарствовал он тоже недолго, заразился оспой и умер. Теперь слушай! Со смертью Петра Второго мужская линия потомства Петра Великого прекратилась... Понимаешь?... Наследовать престол должна была одна из женских линий, то есть прежде всего принцесса Елизавета Петровна, которая и по сей день здравствует и, полагаю, рано или поздно немцев от русского кормила оттеснит и сама императрицей сядет, чего мы с тобой, Грунька, искренне желаем и ждем. Виват, императрица Елизавета Петровна! – провозгласил он, однако не повышая голоса, и протянул к Груньке свой стакан с глинтвейном.

– Виват, – ответила Грунька, чокаясь. – Отчего же она не взошла на престол со смертью Петра Второго?

– Оттого, что так называемые верховники...

– Это что же, секта, что ли, какая?

– Не секта, а члены верховного совета. Так вот эти самые члены верховного совета, или так называемые верховники, привыкнув распоряжаться властью при малолетнем императоре Петре Втором, поняли сейчас, что принцесса, а по-на-

шему царевна Елизавета, такова вот, как мы ее знаем, то есть сама себе голова, вертеть собой не позволит, и если воцарится, то самовластью их, верховников, придет неминуемый конец. Ну а это им, разумеется, было вовсе не желательно. И вот сообразили они, что, кроме принцессы Елизаветы, была другая еще дочь императора Петра от государыни Екатерины – Анна Петровна, выданная замуж за герцога Голштинского. Сыну ее, Петру, и ныне здравствующему, было тогда уже два года...

– А теперь, значит, двенадцать? – сосчитала Грунька.

– Да, ровно столько, сколько было Петру Второму при его воцарении, – сказал Жемчугов. – Ну так вот, обойдя принцессу Елизавету, вызывать ее сестру Анну Петровну из Голштинии с малым сыном верховники тоже не пожелали, по тем же, видимо, причинам, то есть не рассчитывая при них получить власть полностью. А снедаемы они были полностью, по-видимому, до смерти. И так вот они надумали. Знаешь ли ты, что император Петр Первый взошел на престол в юных летах не один, а в отпавлении со своим братом Иоанном, тоже, значит, Алексеевичем, как и он. Но Иоанн Алексеевич справлял недолго и скончался, а Петр Алексеевич остался на престоле один. У Иоанна Алексеевича остались дочери Екатерина и Анна. Жили они при дяде своем, императоре Петре Первом, в Петербурге, весьма бедственно, звали их при дворе просто «Ивановнами», с открытым пренебрежением, и держали в таком черном теле, что

им приходилось унижаться даже перед Меншиковым, чтобы получать гроши на собственное существование. Одну из «Ивановен», по политическим мотивам, выдали за герцога Мекленбургского, а другую, Анну, – за герцога Курляндского, потому что нам через этот брак получалось иметь права на Курляндию. Герцог Курляндский гораздо слаб здоровьем. Анна Иоанновна овдовела, и ее жизнь в Митаве стала не слаще, чем в Петербурге: она, живя в Митаве, должна была смотреть из рук нашего там резидента Бестужева; ей так плохо приходилось, что она много раз просилась назад, в Петербург. Но ей говорили, что это нельзя, что ей, по политическим конъюнктурам, нужно оставаться в Курляндии. Она казалась столь ничтожной, столь забитой и простоватой, что вельможи верховносоветники ее вместо простой просительницы-салоппницы почитали. Ну вот, они на ней и порешили. Поставим, дескать, ее императрицей, но с ограниченными правами, не самодержавной.

– С ограниченными?

– Ну да!.. А ты думала как? Прямо пошли, что называется, начистоту: «Мы тебя поставили, а ты поделись с нами властью по договору».

– Да нешто такой договор может быть действителен?

– Ну вот она им и показала эту действительность. Забитая-то эта «Ивановна» как взошла на престол, так не только никакими правами не поступилась, а стала самой что ни на есть самодержавной императрицей, да еще над верховника-

ми этими самыми Бирона поставила и их ему под начало отдала. Закусили они потом локти, да поздно.

– А откуда взялся Бирон? – спросила Грунька.

– О нем я знаю всю подноготную, – сказал Жемчугов, – на всякий случай и тебе ее знать нужно. Слушай!

Прошное Бирона

– Прежде всего надо тебе сказать, милостивая государыня моя Аграфена Семеновна, что Эрнст Иоганн Бирон, именуемый иначе герцогом Курляндским, вовсе не Бирон, а просто Бирен, весьма низменного немецкого происхождения и никакого отношения к известной французской благородной фамилии Биронов не имеет. Однако, постой, – вдруг как бы перебил сам себя Митька, – мы с тобой тут сидим в «секрете» кофейной Гидля один на один и, можно сказать, все равно что чужие.

– А что тебе еще? – спросила Грунька.

Митька привстал, обнял ее и чмокнул в щеку.

– Да будет тебе! – отмахнулась она.

– Ну еще разок, – проговорил Митька.

– Да говори же ты дело-то, успеешь еще нацеловаться...

– Ну хорошо, слушай! – снова садясь, продолжил он свой рассказ. – Так вот дед этого нынешнего герцога Бирона, или Бирена, был конюхом при дворе в Митаве.

– А не сам разве из конюхов?

– Нет, это так только со злобы его называют конюхом, а на самом деле конюхом-то был его дед, а отец служил с чином капитана в шталмейстерах, потом был при герцогской охоте, накрал там денег и купил дворянское поместье Калцеєм. У

него было три сына: старший – Карл – служил в русских войсках при Петре Первом, попался в плен к шведам, бежал от них, перешел к польскому королю и дослужился в Польше до полковника; затем благодаря брату он снова перешел на русскую службу и был генерал-аншефом.

– За что же ему такая честь? – поинтересовалась Грунька.

– А за то, что он – брат временщика. Временщики всегда устраивают своих братьев. Карл теперь уже умер, а младший сын обладателя Калцеема, Густав, здравствует, живет здесь рядом, на Миллионной, вот дом с колоннами, и весьма благодушествует. Он тоже в генеральских чинах и командует Измайловским полком. Теперь средний брат из них, Эрнст Иоганн, родился в 1690 году.

– Значит, ему теперь, – воскликнула Грунька, – пятьдесят лет, а ему ведь никто и сорока лет не дает... Замечательно сохранился!

– Да, ему теперь уже пятьдесят лет, – подтвердил Жемчугов. – В молодости его отец отправил в Кенигсбергский университет, но там молодой Бирон науками занимался плохо и повел себя так, что в один прекрасный день впутался в гнусную историю, вследствие которой должен был подвергнуться наказанию шпицрутенами.

– Какая же это была история? – поинтересовалась Грунька.

– Вот этого доподлинно не знаю, – с сожалением ответил Митька, – но всенепременно доищусь. От наказания шпиц-

рутенами Эрнст Бирон удрал из Кенигсберга и, пробравшись в Лифляндию, служил там у одного барона в лакеях, в качестве дворецкого.

– Ну? – изумилась Грунька.

– Вот тебе и «ну»! – передразнил ее Жемчугов.

– Ну а дальше что с ним было? Это занятно!..

– Дальше? А вот что: сколотил он себе денег на должности дворецкого и поехал в Петербург искать счастья. А было ему тогда двадцать четыре года.

– И откуда это ты все так подробно знаешь?

– Учись, брат, Грунька, как дела делать. Нужно прежде всего все, что возможно, разузнать про врагов, с которыми хочешь бороться.

Митька так спокойно называл Бирона «врагом», так уверенно говорил, что «хочет бороться с ним», что Грунька посмотрела на него не без гордости и удовольствия.

– Есть люди, – пояснил Митька, отвечая на ее вопрос, – которые помнят, как он приезжал сюда в Петербург в тысяча семьсот четырнадцатом году. Он тогда здесь домогался звания камер-юнкера при дворе цесаревича Алексея Петровича. Конечно, ничего он не добился, хотя его расчет тут был вовсе не так несуразен. Он готов был предать цесаревича и нанимался к нему в злостные соглядатаи, обещая в качестве немца «приучить его» к «европейскому» житью. Из Петербурга это сатанинское отродье вернулось в Митаву, к отцу; тут через Бестужева он попал к Анне Иоанновне, гер-

цогине Курляндской. Она вскоре определила его к себе в секретари. Ну тут уж он завладел ею. Она даже присылала его с поздравлением к государыне Екатерине, когда та взошла на престол. Государыня-то Екатерина была, знаешь, сама из простых немок, так ей Бирон ничего, понравился. А там, в Курляндии, он с «Ивановной» куролесил вовсю: кутил, играл в карты, ездил в Кенигсберг, якобы по делам в качестве уполномоченного курляндской герцогини; бывало, что, напившись, он вступал в драку на улице с буянами и попадал в тюрьму, а герцогиня выкупала своего «уполномоченного», платя за него штраф. Когда верховносоветники надумали провести избрание Анны Иоанновны, ограничив самодержавную власть, то в числе других условий они поставили ей, чтобы она, выезжая из Курляндии, оставила там Бирона и не брала его с собой. Но Анна Иоанновна привезла его с собой в Москву и, сделавшись там императрицею, на зло верховникам пожаловала Бирона сначала в камергеры, а при коронации – в обер-камергеры, затем же возвела его в графы Российской империи и наградила орденом святого Андрея Первозванного.

– Ишь ты, счастья-то человеку повыпало! Вот что значит нашей сестре понравиться! – глубокомысленно подхватила Грунька.

Она влюблена

– Хорошо ли ты запомнила все, что я рассказывал тебе? – спросил Жемчугов Груньку.

– Ничего, запомнила, – ответила она, – память у меня еще свежая, ну а если что потом забуду – переспрошу у тебя.

– Нет, Грунька! Каждый день, как сегодня, в зеленой комнате в кофейне Гидля в «секрете» нам сидеть не придется, а такие вещи, что я тебе сегодня рассказываю, можно говорить только в таком безопасном месте, как эта комната. Здесь я совершенно спокоен, здесь нет за нами ушей, ну а везде – слышишь? – везде подслушивают. Поэтому на возобновление нашего разговора вскорости не надейся.

– А сюда разве нельзя еще раз прийти? – спросила Грунька.

– Ну что же, можно, только все-таки это дорого стоит. Надо еще спросить что-нибудь, а то с пустыми стаканами здесь сидеть – не мода.

Он позвал слугу и велел принести себе пунша, а для Груньки, по ее желанию, чашку шоколада.

– Ну хорошо, – сказала Грунька, принимаясь за шоколад. – Теперь я знаю все конъюнктуры, что вокруг российского престола вертелись после смерти императора Петра. Теперь как же нынешняя правительница, немецкая принцес-

са Анна Леопольдовна, попала к нам?

– Очень просто, – ответил Митька, опять раскуривая трубочку. – Старшая сестра императрицы Анны Иоанновны, Екатерина Иоанновна, была выдана замуж, как я уж говорил, за герцога Мекленбургского, и от этого брака родилась дочь, нареченная Анной, в честь тетки. Теперь, когда Анна Иоанновна утвердилась на престоле, возник вопрос о престолонаследии, нужно было назначить наследника. Опять поднялись, значит, прежние разговоры. Ну разумеется, цесаревну Елизавету Петровну отвергли вновь. Она заявила себя уж слишком русской, чтобы потрафить немцам. Между прочим, Бирон хотел женить на ней своего сына Петра, чтобы дать ему права на русский престол, – ну, тогда, конечно, ее стали бы выдвигать! Но дочь Петра Великого не должна нуждаться в Бироне, чтобы сесть на принадлежащий ей престол. Ну хорошо, Елизавету Петровну немцы опять отвергли, и возник вопрос – выписывать ли из Голштинии молодого Петра? Но зачем было это делать, если, кроме племянника Елизаветы Петровны, за границей была еще Анна Леопольдовна, дочь герцогини Мекленбургской, родная племянница императрицы? Ее и выписали с тем, чтобы выдать ее замуж и ждать от нее наследника престола. Тут и начинается роман этой женщины, поставленной, казалось бы, на высоту, на вершину счастья, а на самом деле самой несчастной из всех.

– Это правительница-то теперешняя несчастна?

– А ты думаешь как? Выписали ее сюда, попала она из

маленького княжества немецкого к русскому двору – одному из первых в Европе, говорят, если не по великолепию, то во всяком случае по роскоши.

– Ну чего больше? Дай бог всякой так! – заметила Грунька.

– Ну разумеется, но слушай, что дальше было. При императрице Анне были и празднества знатные, наряды для принцессы Анны Леопольдовны делались, какие ей только угодно было, драгоценные уборы у нее были великолепные, ела она сытно, пряно, вкусно. Что же было ей делать? Ну разумеется влюбиться!

– Да что же с такой жизни и делать другого! – согласилась Грунька.

– Ну вот. Был тут при дворе польско-саксонский посланник граф Мориц Линар – кавалер первостатейный, ловкий, умелый, образованный, блестящий, а уж собой красивый, так просто до умопомрачения.

– Словом, лучше тебя? – вдруг спросила Грунька.

Митька приостановился.

– Для кого как! – проговорил он. – Для тебя он был бы, наверно, хуже.

– А ты уверен в этом?

– Уверен.

– Отчего же так?

– Оттого, что ты для меня лучше всех других.

– Ишь хитрый! – рассмеялась Грунька. – Знаешь, как от-

вечать надо! Ну что с тобой делать! – И, вскочив, она подбежала к Митьке, обняла и поцеловала его.

Роман правительницы

– Ну и что же произошло с этим графом Линаром? – спросила Грунька.

– Его выслали из Петербурга.

– Выслали?

– В лучшем виде.

– Посланника?

– Ну попросили удалиться – будем выпроваживать вежливее. Принцесса Анна Леопольдовна, видишь ли ты, затеяла с ним переписку, шуры-муры, любовные записочки. Передавала эти записочки состоявшая при ней госпожа Адеркас и делала это так неумело, что попалась. Императрица Анна Иоанновна страшно рассердилась, необыкновенно рассвирепел и Бирон. Госпожу Адеркас, в чем она была, посадили в карету и повезли на границу. Хорошо еще, что она – иностранная подданная, а то бы вместо границы сослали бы ее в Сибирь и дело с концом. Граф Линар уехал, а Анна Леопольдовна осталась одна со своими чувствами и мыслями. До нее самой, до того, что она думала и чувствовала, не было дела никому; в ней видели только женщину, мать будущего императора – и ничего больше; с ее вкусами, склонностями и желаниями не считались и выбрали для нее жениха не по ее вкусу, а сообразно обстоятельствам. Жених для нее

прежде всего требовался родовитый, однако такой, который, будучи отцом будущего императора, не вмешивался бы в дела правления, – словом, слабенький, безвольный, неспособный к власти и легко подчиняющийся даже женщине. Такого именно человека и искала Анна Иоанновна для своей племянницы, говоря, что «стерпится – слюбится, а потом сама же меня будет благодарить за то, что я сыскала для нее мужа послушного». Говорят, в Европе можно найти все что угодно! Нашли и принца подходящего – Антона Ульриха Брауншвейгского! Он приходится племянником австрийскому императору, значит, персона значительная, а вместе с тем, каков он на вид и каков у него характер, ты сама видела и знаешь.

– Видела! – махнула рукой Грунька. – Не человек, а тряпка!

– Ну так теперь подумай, каково же было этой женщине, влюбленной в красавца, ловкого кавалера Линара, выйти замуж за этого принца Антона? Ведь это все равно, что раздражить аппетит, показать самые вкусные яства, а затем преподнести для еды помои!

– Вот уж именно помои! – расхохоталась Грунька. – Так она, сердешная, до сих пор, значит, влюблена в Линара?

– Ну, я думаю! – протянул Жемчугов. – И мне сдается, что не могла она его забыть ради принца Брауншвейгского! Свадьбу справляли необыкновенно пышно: какой шитый бриллиантами кафтан Бирон себе закатил! И невеста была пыш-

но одета. Ну вот от этого брака и родился младенец Иоанн Антонович.

– Он ведь еще грудной!

– Ну да, грудной! Шестого октября он торжественным указом был объявлен наследником престола, а семнадцатого скончалась императрица Анна Иоанновна.

– Значит, он – по всей форме законный государь? – спросила Грунька.

– Законный, – ответил Митька, – но лишь по указу, а указ можно отменить указом же, если есть принцесса Елизавета Петровна, которая имеет природные права на российскую корону!

– Ой, Митька! По нынешним временам об этом и думать-то страшно, не только говорить!

– А ты не говори, да и не думай, а делай то, что я скажу тебе.

– Да уж я от тебя не отстану, – решительно произнесла Грунька, – уж пропадать, так вместе!

– Не пропадем! Теперь, если ты сообразила все это, что я рассказал тебе, то должна понять, что наипервейшим делом необходимо постараться вернуть как можно скорее графа Линара опять посланником в Петербург: на него должна быть первая наша надежда, что он не только поможет Анне Леопольдовне в свержении регентства Бирона, но и заставит ее сделать это!

– Послушай, ты словно в сказке рассуждаешь! Как же мо-

жет это быть, чтобы допустили Линара вернуться опять в Петербург? Ведь Бирон ни за что этого не позволит, а власть у него!

– Надо убедить его, что это выгодно ему.

– Что же, ты, что ли, пойдешь к нему убеждать его?

– Ну конечно не я, глупая, но моя идея. Видишь ли, люди управляют не людьми, а идеями. Пусть наверху стоящие персоны воображают, что все зависит от них, но на самом деле они являются только исполнителями идей, если, разумеется, у них нет своих, как, например, у императора Петра. Этот правил по-своему, но и его замыслы были подготовлены предыдущими поколениями. Однако дело в том, что Бирон с компанией – не великие люди, и у них только и есть желание удержаться у власти и не потерять окружающей их пышности. Значит, им нужно пользоваться чужим умом. Все дело, чтобы умненькую мысль пустить в ход, а дойдет она до них, они воспримут ее и выдадут за свою, а то и совершенно искренне вообразят, что это их собственное измышление. Кинь ты в воду камешек с моста, от него разойдутся круги далеко-далеко, и какую величину обнимет последний круг, одному Богу известно! Вот то-то и оно, что надо уметь бросать такие камешки в жизнь. А тогда легко и управлять ею, даже не будучи на высоком посту. Поняла?

– Понять-то поняла, но неужели у тебя уж эти круги без промаха действуют и ты ни на чем сорваться не можешь?

– Ну тут, конечно, запасливость нужна. Если сорвут на

Линаре, чего я, впрочем, не думаю, то дело выгорит с Мини-хом или, в крайнем случае, с Остерманом!

Миних и Остерман

– Ну а они каковы? – спросила Грунька.

– Кто «они»? – спросил Жемчугов.

– Да Миних и Остерман.

– Разве ты их не знаешь? Миних – фельдмаршал, сподвижник императора Петра, а Андрей Иванович Остерман – второй кабинет-министр.

– Знаю, знаю, – остановила его Грунька, – что чинов у них много; я спрашиваю, как их понимать надо в отношении герцога Бирона?

– А, это дело другое. Вижу, что ты начинаешь в самую суть вникать. Тут главное-то, что герцог Бирон все время «управлял» и все будто шло от него, а на самом деле всеми военными успехами в его «управление» мы обязаны Миниху, а успехами в дипломатической части Остерману. Смекаешь теперь, как они оба должны ненавидеть его? Ведь Бирон загребал все время жар их руками! А ты думаешь, у Миниха там нет амбиции? Сделай твое одолжение!.. Амбиции у него хоть отбавляй. После своего похода в Молдавию, когда он вернулся с войском на Украину, то просил у императрицы не более и не менее того, чтобы она его назначила герцогом Украинским!

– Ну а что же императрица?

– Она сказала: «Миних очень скромн, я удивляюсь, как он не попросил титула великого князя Московского!» Никакого другого ответа она Миниху не дала, а затем Бирон был избран герцогом Курляндским. Для того же, чтобы узнать, почувствовал ли то Миних или нет, и как почувствовал, – нужно тебе сказать, что у него в столовой на стене висит ковер огромный, на котором выткана его собственная фигура на коне, а кругом надпись: «Тот истинно велик, кто похож на Миниха!» Это было ему подношение! Теперь, с назначением регентства герцога Бирона, Миних пожелал руководить делами в качестве генералиссимуса всех сухопутных и морских сил. Но не тут-то было! Ему снова отказали во всех его домогательствах.

– Значит, они теперь на ножах?

– Еще хуже: они как будто приятели!

– Почему же это хуже?

– Потому, что при таких отношениях, какие должны существовать между ними, явная неприязнь или даже вражда были бы вполне понятны и естественны и сводились бы к обыкновенным, повседневным, так сказать, чувствам. А теперь, когда они представляются друзьями или – вернее – когда Миних разыгрывает друга Бирона, затаив свою несомненную злобу, это для герцога очень плохо. Затаенная злоба рано или поздно должна выйти наружу. Одно здесь неприятно! Миних, как немец, слишком осторожен и будет, вероятно, медлить.

Грунька внимательно слушала своего собеседника. Но вдруг ее словно осенила внезапная мысль, и она решилась прервать его рассуждения:

– Слышь, Митька, говорили мне, что Миних – большой любезник с женщинами. Правда это?

– И имеет на то право до сих пор, – ответил Митька. – Он до сих пор еще хоть куда: моложе своих лет, высок ростом, ловок, виден и красив, отплясывает на балах в лучшем виде, а когда говорит с барынями, то увлекается до того, что вдруг возьмет и кинется целовать ручки.

– Ну тогда можно и подвинуть его на скорость, – протянула Грунька.

– Ты за это берешься?

– Попытать можно! Только ведь кругами я действовать не умею; я по-своему, по-женски.

– Ну увидим... хорошо! – одобрил Митька.

– А Остерман? – спросила Грунька.

– Остерман весь свой век был при дворе и прошел школу еще петровскую. Ведь он был воспитателем императора Петра Второго, а достаточно сказать, что он сумел съесть Меншикова – этот временщик пал вследствие происков Остермана. Рассуди теперь, да мыслимо ли, чтобы человек, решившийся тягаться с самим Меншиковым и одолевший его, не смог бы справиться с Бироном?! Нет, этому я никогда не поверю!

– Хитер-то он, хитер, говорят! – сказала Грунька.

– Да уж так хитер, что сам Макиавелли перед ним, пожалуй, новичком покажется. А прием, в сущности, у него довольно простой – болезнь. Он, видишь ли, вечно немощен; его в креслах и так таскают, а чуть что случится – сейчас он дома засядет и никуда; ляжет и, что называется, хвостиком накроется: «Я не я, и хата не моя, и знать ничего не знаю, ведать не ведаю».

– А он к женщинам как?

– Да ведь он старик совсем!

– А Миних молод, что ли? Однако вот ты про него какие штуки рассказываешь.

– Ну Остерман в этом отношении на Миниха не похож: насколько Миних брав и красив, настолько Остерман расслаблен и умышленно опустился. Один бодрится не по летам, другой, наоборот, тоже не по летам представляется хилым и дряхлым. К тому же скуп он, как Кашей, и ради этой скупости нечистоплотен, обмызган и грязен. Кто увидит Остермана случайно, ни за что не скажет, что это – один из первых сановников Российского государства. Ну вот тебе самое главное, – заключил Жемчугов, – запомни все хорошенько, это необходимо для дальнейших наших с тобой действий.

Верный человек

Проводив Груньку домой и расставшись с ней, Митька Жемчугов, согретый глинтвейном и пуншем, которые в кофейне немца Гидля приготавливали отлично, зашагал по осенней слякоти петербургских улиц, не обращая никакого внимания на ненастную погоду.

Был уже довольно поздний вечер, и на дворе стояли настоящие октябрьские потемки, холодные и жуткие. С моря по Неве дул ветер, задерживая воду. Деревья, чаще, чем дома, попадавшие в то время в Петербурге, шумели оголенными ветвями в темноте.

Жемчугов зажег ручной фонарь и смело подходил к дежурившим у рогаток, которые оставались на перекрестках улиц на ночь, дозорным караулам. На оклик караула: «Кто идет?» – он уверенно отвечал: «Свой», – и показывал бывший при нем пропуск, после чего ему немедленно предоставляли свободный проход.

Таким образом он добрался до небольшого одноэтажного с мезонином деревянного домика, по внешнему невзрачному виду которого можно было сказать, что тут не барские хоромы, а сдававшееся внаймы помещение, и довольно скромное.

Нижний этаж дома был погружен в полный мрак, но ок-

но в мезонине светилось. Взглянув на это светящееся окно, Жемчугов взялся за кольцо калитки и ударил им три раза не совсем обычным образом, с неравными промежутками.

На дворе залилась была собака, но на нее цыкнули; слышались шаги по деревянным мосткам, отодвинули засов у калитки, и она отворилась.

Отворивший ее человек, по-видимому, хорошо знал Митьку, так как пропустил его беспрекословно, а собака, обнюхав Жемчугова, повиляла хвостом и отошла в сторону.

Митька со своим ручным фонарем направился по мосткам прямо к двери и вошел в нее, не спрашиваясь. В сенях он, как привычный тут человек, повернув налево, быстро взбежал по ступеням деревянной скрипучей лестницы, ведущей в мезонин, и постучал там в дверь опять три раза и опять особенным манером.

– Митька, это ты? – раздался голос из-за двери.

– Я, – отозвался Жемчугов.

Дверь распахнулась, и на ее пороге показался высокий молодой человек с пером за ухом, в нижнем камзоле, в коротких панталонах, в чулках и башмаках.

В его комнате в мезонине было жарко натоплено. На большом круглом столе в шандале под зеленым абажуром горели две восковые свечи, за китайскими ширмами помещалась кровать с пологом, в углу в киоте висели образа, пред ними горела лампадка; вообще вся обстановка была очень чистенькая, презентабельная. Никто не мог бы поду-

мать по первому впечатлению, что здесь живет секретарь самого страшного в те времена учреждения – Тайной канцелярии розыскных дел – Степан Иванович Шешковский; точно так же никто не узнал бы секретаря в молодом человеке, отворившем дверь Жемчугову.

Митька и он давно знали друг друга и были приятелями.

– Что ты так поздно? – спросил Шешковский Жемчугова, выпуская его и затворяя за ним дверь.

– Дело было, – коротко ответил Митька.

– Ты чуть меня захватил, мне уже пора на службу.

– Опять на ночную работу?

– Да, – морщась ответил Шешковский и задумался, замолчав.

– Что, тяжело?

– Знаешь, подчас невыносимо тяжело бывает. То есть, давным-давно я бросил бы это дело и службу, если бы не сознание, что на этом посту я все-таки приношу пользу в том отношении, что, пожалуй, половину людей спасаю от мучений. Зато приходится смотреть, как мучают вторую половину.

– А он все еще свирепствует?

Шешковский понял без пояснений, что под этим «он» подразумевается князь Никита Юрьевич Трубецкой, занимавший пост генерала-прокурора, ставленник и ярый клевет Бирона, главным образом производивший те зверства, которыми в истории отмечено то время.

– То есть, понимаешь ли, неистовствует, как зверь лютый! – сказал Шешковский про Трубецкого. – В последний раз подошел к вздернутому на дыбе человеку и сам бил его по лицу набалдашником своей палки. Этого даже по закону не полагается на дыбе.

– Скотина! – процедил сквозь зубы Митька. – Ну а Андрей Иванович что?

Андреем Ивановичем звали генерал-аншефа, сенатора Ушакова, начальника Тайной канцелярии.

– Что и может Андрей Иванович? – пожал плечами Шешковский. – Он кряхтит да про себя молитву читает и, когда по закону можно, останавливает, делает, что возможно, для облегчения. И от закона не отступает, но зато несправедливости никакой не допустит. С ним еще можно бы ладить, а вот с князем Трубецким – тяжело!

– Ты зачем меня звал-то? – проговорил Жемчугов, видимо для того, главным образом, чтобы переменить разговор.

– Мне нужен верный человек, – сказал Шешковский, делая над собой видимое усилие, чтобы успокоиться.

– Зачем?

– Надо тебе сказать... нет, не кури, терпеть не могу, – остановил Митьку Шешковский, видя, что тот вынимает трубку.

– Виноват, забыл! – усмехнулся Митька, пряча назад свою трубку. – Ну так зачем тебе человек-то нужен?

– Тут появилась в Петербурге странная какая-то женщи-

на-француженка, по-русски совсем не говорит.

– Значит, не столько «странная», сколько «иностранная»? – усмехнулся Жемчугов.

– Будет тебе, не паясничай! Тут о деле идет. Поселилась эта француженка вот уже четыре дня в Петербурге, по нашим донесениям, наняла хороший дом.

– Где?

– На Невской перспективе. Деньги, по-видимому, у нее есть, не нуждается, но ни знакомств, ни связей, ничего. При том она никуда не выходит, сидит целый день у окна и, по-видимому, наблюдает.

– А откуда она приехала.

– Из Варшавы. Но все из-за границы приезжают из Варшавы.

– А паспорт у нее какой?

– Варшавский.

– Какая у нее прислуга?

– Никакой. Она приехала на ямских лошадях. Я послал в Варшаву навести справки о ней, но пока они придут, а между тем что-то подозрительно это появление как раз к смерти государыни, и притом француженки.

– Так что же тебе нужно?

– Узнать, кто она и зачем, и прочее. Для этого самое лучшее, по-моему, подослать к француженке в качестве прислуги такого человека, который понимал бы по-французски.

– Можно.

– Что ты говоришь?

– Я говорю, что можно найти такого человека, девушку.

– Которая пойдет в горничные?

– Она крепостная.

– И говорит по-французски?

– Ее готовили в актрисы и обучали в Париже.

– И ты можешь на нее положиться?

– Как на самого себя.

– Ого!

– Она – моя невеста!

– Ну значит, нам везет.

– Нам должно везти, Шешковский! Как же зовут француз-женку?

– Селина де Пюжи, Невский, у Полицейского моста, рядом с оперным театром.

– Хорошо, завтра же моя Грунька будет поставлена туда, а послезавтра я приду к тебе с рапортом. Думаю, что окажутся какие-нибудь пустяки амурного свойства.

– Я думаю то же, но как знать? – Шешковский вздохнул. – Эх, – добавил он, – если бы вот так дела делать, никакой дыбы и кнутобойства не нужно было бы. Да разве грубой дыбой да битьем что-нибудь сделаешь там, где нужны ум и соображение? Никогда пыткой правды не добьешься! А поймут ли когда-нибудь это законодатели? Ну однако, мне пора идти!

– Выйдем вместе, – сказал Жемчугов.

И они вышли.

Три немца

Императрица Анна Иоанновна скончалась во дворце, который тянулся длинным одноэтажным зданием, с большими зеркальными окнами вдоль северной стороны Летнего сада, примыкавшей к набережной Невы.

Этот дворец Анна Иоанновна отстроила для себя, а рядом, в так называемом малом Петровском дворце, сохранившемся в Летнем саду до сих пор, жил Бирон. На месте нынешнего Инженерного замка был тогда большой Летний дворец, или Итальянский; на месте же нынешнего Зимнего дворца, уже называясь этим именем, стояли хоромы, купленные для царской резиденции от частного лица.

Тело императрицы было выставлено в необычайно пышной траурной обстановке, в большой зале ее дворца. После ее кончины немедленно сюда же перебрался и Бирон, заявивший, что он в качестве регента должен находиться под одной кровлей с младенцем-императором Иоанном Антоновичем. Таким образом, во дворце, где стояло тело императрицы, жили родители императора – принцесса Анна Леопольдовна и принц Антон Брауншвейгский, и герцог Бирон, не отлучавшийся оттуда ни на минуту.

Заседания кабинет-министров происходили тут же под председательством Бирона. С министрами он держал себя

надменно, не стеснялся в выражениях и относился по-человечески только к Миниху и Остерману, но разговаривал с ними не иначе, как по-немецки.

После первого же происходившего по смерти Анны Иоанновны заседания кабинета Бирон молча отпустил всех присутствующих, не отвечая даже на их низкие поклоны, причем ниже всех кланялся князь Никита Трубецкой. Он удержал только Миниха да Остермана, полулежавшего в кресле-носилках в качестве совершенно больного и расслабленного.

Когда все, кроме них, ушли, Бирон подошел к дверям и осмотрел их, не подслушивает ли кто-нибудь, а затем, вероятно в знак особой таинственности и значительности предстоящей беседы, на цыпочках приблизился к столу, оперся о него обеими руками и шепотом, но не без свойственного ему пафоса произнес:

– Мы сильны, пока мы вместе!

Остерман поник головой, как бы подтверждая этим глобчайшую правоту высказанных герцогом слов, Миних же нахмурил брови и деловито ждал, что последует дальше.

– У нас есть власть, мы занимаем в России верное место, – повторил Бирон и хлопнул ладонью по столу. – Я не доверяю этим русским: Трубецкой и Бестужев наименее возбуждают подозрения, но и на них полностью положиться нельзя. Мы, немцы, можем положиться только на самих себя!

– Ну конечно! – подтвердил Миних и подумал: «Весь свой

век я полагался только на самого себя!»

— Если мы только не будем вместе, — снова заговорил Бирон, — то погибнем каждый порознь.

«Кто погибнет, а кто и нет! — опять подумал Миних. — Не суди, мой друг, о других по себе!»

Миних ясно понимал, что Бирон завел с ними эту речь единственно из трусости, которая так и сквозила в каждом его слове. По природе своей Миних был храбр и отважен, и трусость Бирона органически была противна ему. Если бы Бирон хотел, наоборот, не объединить с собой, а восстановить против себя такого человека, как Миних, то он должен был говорить именно так, как сделал он на сей раз.

В его тоне слишком ясно слышалось желание запугать своих собеседников теми страхами, которые чудились ему самому. Он видел, что эти страхи далеки в особенности Миниху, а также и Остерману, но он объяснял это тем, что он, Бирон, дальновиден, а они — нет. Миних же понимал, что выказываемый Бироном страх доказывает вовсе не его дальновидность, а слабость. И он понял тоже, что со слабым человеком не годится ему, Миниху, связывать свою судьбу. Он слышал рассказ о том, что арабы в Африке при охоте на диких зверей не берут людей, которые могут струсить и тем самым дать почувствовать зверям, что они сильнее человека. Сам Миних не трусил ни пред неприятельским войском, ни пред толпой и потому побеждал и мог управлять; трусливый же Бирон мог только наводить страх, но истинная тайна

управления совершенно не давалась ему.

– Итак, господа, я предупредил вас! – заключил герцог свои слова и выпрямился, воображая, что он сейчас очень величественен. – Предлагаю вам подумать о моем совете; он вытекает из насущнейших наших интересов! До доброго свидания, господа! – и, будучи уверен, что после всего сказанного им, ни Миних, ни Остерман не смогут ничего замыслить против него, потому что ведь это так очевидно идет вразрез с их интересами, Бирон вышел из комнаты, громко стуча каблуками, как будто показывая этим, что он имеет право не стесняться здесь и он не стесняется.

Остерман посмотрел ему вслед таким взглядом, каким может смотреть старый, опытный учитель на удалявшегося после невыдержанного экзамена школьника.

– Ну до свидания, старина! – фамильярно сказал ему Миних и тоже удалился большими решительными шагами.

«Да, я стар! – сказал сам себе Остерман, оставшись один. – Но именно поэтому-то, что я стар, я останусь один, когда вас обоих не будет, как я остался, когда не стало Меншикова!»

В это время вошли четыре гайдука, подняли кресло, в котором полулежал Остерман и понесли его в карету, чтобы отвезти домой.

Четверо русских

Через день после своего разговора с Шешковским о Селине де Пюжи, Митька Жемчугов, согласно данному обещанию, должен был дать отчет относительно того, что успела сделать Грунька.

Утром Шешковский прислал сказать через рассыльного, чтобы Митька с ответом прямо пришел к «начальнику», то есть к генерал-аншефу Андрею Ивановичу Ушакову, начальнику Тайной канцелярии.

Генерал-аншефа Митька узнал только тогда, когда побывал у него в собственном доме на Фонтанке, где был разведен у Ушакова, большого любителя цветов, огромный сад с оранжереей.

Ливрейный лакей провел его в кабинет хозяина, где за круглым письменным столом сидели сам Ушаков, Шешковский и кабинет-секретарь Яковлев, по-нынешнему – государственный секретарь.

– Ну садитесь, здравствуйте! – встретил Митьку с приветливостью Ушаков. – Да нет, садитесь сюда к нам, за стол! – сказал он, видя, что Жемчугов берет стул, чтобы поместиться в отделении.

Митька знал и раньше, что Ушаков к нему хорошо относится, но никак не ожидал попасть к нему и быть принятым

так уж запросто, да еще вместе с таким важным сановником, как Яковлев. Последнему Ушаков тотчас же представил Жемчугова, тот же, ласково улыбнувшись, кивнул головой и проговорил:

– Да, я слышал, знаю.

С Шешковским Митька поздоровался по-приятельски и сел к столу рядом с ним.

– Ну что, наша штука с француженкой удалась? – спросил Ушаков, показывая своим вопросом, что при Яковлеве можно говорить совсем не стесняясь.

– Удалась, ваше превосходительство, – ответил Митька, – мною приготовлен верный человек к Селине. При ней со вчерашнего дня в горничных верная девушка состоит.

– Как же она попала туда?

– Очень просто. В «Петербургских ведомостях» было объявлено, что требуется горничная по адресу француженки. Девушка сейчас же выпросилась у своей госпожи, дворянки Убрусовой, а та в высшей степени была рада, что будет получать с нее оброк вместо того, чтобы кормить ее, и, конечно, отпустила к француженке. Последняя обрадовалась, что девушка умеет говорить по-французски, и тут же с большим удовольствием наняла ее.

– Пожалуй, было бы лучше и осторожнее, чтобы она не открывала своего знания французского языка, – сказал Ушаков.

– Напротив, со скрытым знанием французского языка

нечего было бы делать, раз француженка совсем одинока и ей даже поговорить не с кем, а теперь горничная стала ее другом.

– Ну и что же? Выяснилось уже что-нибудь? – спросил Шешковский.

– Выяснилось, и весьма интересное, – ответил Митька, – француженка имеет отношение к бывшему в Петербурге польско-саксонским послом графу Морицу Линару.

– К графу Морицу Линару? – спросили его в один голос все трое – и Ушаков, и Яковлев, и Шешковский.

– Да. Она, то есть француженка, только и спрашивала, как ей найти графа Линара в Петербурге и как узнать, приехал ли он сюда или нет. Она с первого слова обещала горничной десять рублей, если та узнает, как найти здесь графа Линара.

– Но ведь его здесь нет, – сказал Ушаков.

– А, может быть, он явился, только инкогнито от нас? – предположил Яковлев.

– Надо разобрать сначала, – проговорил Шешковский, – кто такая эта француженка, так усердно отслеживающая его, чья она шпионка и кому нужно найти Линара в Петербурге.

– По-моему, – проговорил Митька, – она вовсе не шпионка, а действует сама за себя, а графа Линара наверно нет в Петербурге!

– А... у вас, значит, есть еще подробности? – спросил Ушаков.

– Нет, фактических подробностей у меня нет никаких,

кроме того, что я имел уже честь доложить, а все, что я сказал сейчас, – простой вывод.

– Откуда вы выводите, что француженка действует сама за себя.

– Из того, что она сразу наводит справки об интересующих ее лицах, а не выжидает и не высматривает. Так откровенно может вести себя только безобидная женщина, и при том влюбленная.

– Так что, вы думаете, что француженка влюблена в графа Линара? – опять спросил Ушаков.

– В этом нет ничего удивительного: у графа было, вероятно, слишком много, да есть и теперь, любовных связей и интрижек, чтобы в их число не попала история с хорошенькой француженкой.

– Хорошо! Но почему вы так уверены, что графа Линара нет в Петербурге, инкогнито, конечно?

– Прежде всего потому, что мы знали бы об этом, – заметил Шешковский.

– Нет, а потому, что, очевидно, Линар хотел отделаться от француженки, которая ему надоела, и сказал ей, что поедет в Россию, в Петербург, а сам уехал совсем в другую сторону, в надежде, что Селина де Пюжи или вовсе побоится за ним ехать, или если и решится и явится в Петербург, то никак не найдет его здесь.

– Все это очень правдоподобно, – сказал Ушаков. – Значит, в политическом отношении француженка совершенно

никакого значения иметь не может?

– Напротив, – опять возразил Митька, – она может стать весьма выгодным орудием, если граф Линар прибудет сюда вновь польско-саксонским посланником.

Все, конечно, знали отлично прошлую историю графа Линара в Петербурге, но никому и в голову не пришло, что можно сделать предположение, которое высказал теперь Митька.

Ушаков и Яковлев недовольно насупились, Шешковский же спокойно ждал разъяснения со стороны Жемчугова, в нем вполне уверенный, то есть в том, что хотя его слова как будто и были очень смелы, но, во всяком случае, он не сказал их зря.

И Митька пояснил свои слова:

– Я понимаю так, – стал говорить он, – что мы обязаны блюсти прежде всего интересы его высочества герцога Бирона, как регента Российской империи.

Ушаков и Яковлев кивнули головой в знак подтверждения и выразили на своем лице удовольствие обороту дела, взятому Жемчуговым.

– А интересы его высочества, по моему крайнему разумению, – продолжал тот, – настоятельно требуют, чтобы граф Линар приехал сюда.

– Почему же? – спросил Ушаков.

– Потому, ваше превосходительство, что этот человек явится лучшим истолкователем чувств его высочества перед принцессой Анной Леопольдовной, которая, по своей про-

зорливости в отношении польз и нужд России, несомненно должна желать симпатичного польско-саксонского посланника.

– В отношении польз и нужд России?

– Конечно! Ее высочество Анна Леопольдовна – по рождению славянка.

– Ведь ее матушка была русская.

– А отец – немец!

– А отец – герцог Мекленбургский – тоже по происхождению славянин: ведь прежде чем называться немецкими герцогами Мекленбургскими, предки ее высочества были славянскими государями с титулом королей Вендских, и единение принцессы Анны Леопольдовны в отношении польско-саксонского посла, как представителя славянской державы, является исключительной политической комбинацией.

– Да, – перебил Митьку Ушаков, – но польско-саксонский двор никогда не решится прислать ныне послом графа Линара, который был отозван по требованию самой императрицы.

– Обстоятельства меняются; ныне русский двор мог бы по собственному почину просить в Дрездене, чтобы оттуда был прислан граф Линар.

– Но кто же решится написать туда? Едва ли герцог найдет возможным.

– Написать, конечно с соизволения герцога, должен кабинет-министр Андрей Иванович Остерман, – сказал Митька и, подчеркивая, добавил: – Он должен это сделать, понимая

все выгоды для России и русских людей пребывания в настоящее время графа Линара в Петербурге.

— Он хорошо говорит, — одобрил Яковлев.

Все четверо задумались, и задумались об одном и том же. Все они одинаково понимали, в чем была выгода и польза для России и русских, и каждый думал:

«Недолго вам, немцы, распоряжаться нами. Мы сумеем с вами справиться».

Но словами они ничего не сказали друг другу. Напротив, самый опытный наушник если бы мог подслушать их, то мог бы дать голову на отсечение, что они заботятся лишь об интересах герцога Бирона и ее императорского высочества принцессы Анны Леопольдовны.

Начинается

– Ну наконец-то ты явился! – встретил Василий Гремин Митьку Жемчугова, когда тот приехал к нему поздно вечером прямо от Ушакова.

Свои вещи Митька прислал еще рано утром и велел сказать, что сегодня будет и сам.

– Я все приготовил тебе! – радостно продолжал Гремин. – Комната тебе отведена угловая, с большой печкой и лежанкой, туда и твои вещи отнесены. Ты ведь ко мне совсем, а?

– Ну да! Ведь мы же сговорились!

– Ну да, да, да! Я очень рад. Только вещи твои я разбирать не велел, чтобы не трогали. Может, у тебя там секреты какие.

– Никаких таких у меня секретов нет, – усмехнулся Митька.

– Ну очень тебе рад, – повторил Гремин.

– Чему? что у меня секретов нет?

– Ах нет! Тому, что ты приехал. Ужинать хочешь? Все готово для тебя.

– Нет, я сыт.

– А перины я велел тебе положить деревенские, настоящие, каких в Петербурге и не видавали! Нам их от своих гусей присылают. Ну если ты не хочешь есть, так пойдем выпьем, там, в столовой, наливка вишневая поставлена.

– От наливки, конечно, нельзя отказываться, – сказал Митька.

Они прошли в столовую, где был накрытый скатертью стол, уставленный такими вкусными вещами, что Жемчугов не удержался и стал не только пить наливку, но и есть и грибки, и ветчину копченую, и маринованную рыбку, и все, что было на столе.

– Ну что? Начал ты действовать? – стал спрашивать Гремин.

– В каком смысле? Груньку на место поставил; там ей хорошо будет. Иностранка-француженка взяла ее не в горничные даже, а скорее, так сказать, в наперсницы. Теперь вот я сам к тебе переехал... Как видишь, действую.

– Нет, я говорю о немцах.

– Что о немцах?

– Да когда мы...

– Слушай, Василий, – остановил его Жемчугов и, понизив голос до едва слышного шепота, тем не менее весьма внушительно, произнес: – Никогда не смей больше говорить со мной об этом, тут нужно «делать», а не говорить, понимаешь? Ведь мы знаем, что знаем, а на словах нужно громко заявлять, что ты-де желаешь блюсти интересы его высочества герцога Бирона.

– Понимаю, – проговорил Гремин, – но только вот что, я молчать буду, а уж – извини! – об интересах герцога говорить не буду: противно! – и Василий сплюнул и выпил гло-

ток сладкой наливки, словно чтобы уничтожить дурной вкус во рту.

– Славный ты парень! – одобрил его Митька. – Твое здоровье, брат! Так и поступай, а меня извини и не обессудь. Мне политику соблюдать нужно.

– Да что там политика! – вздохнул Василий. – Прямо бы по мордам, и к чертям!

– Погоди!.. И по мордам дадим.

– А дадим?

Митька подмигнул и кивнул головой.

– Вот это так! – воскликнул Василий. – Ну твое здоровье, Митька!

Митька выпил «свое здоровье». Гремин стал наливать ему еще.

– Не будет ли? – сказал Жемчугов. – Пора спать, пожалуй!

– Как, будет? – воскликнул Гремин. – А здоровье Груньки? Разве ты ей здоровья не желаешь?

– Ну за здоровье Груньки, – согласился Жемчугов и, чокнувшись, залпом выпил большую стеклянную на длинной ножке рюмку наливки.

Они распростились и пошли спать к себе, по своим комнатам.

Жемчугов лег уже совсем в постель и утонул в мягкой перине, как вдруг дверь его комнаты приоткрылась и в нее просунул голову Гремин, который проговорил:

– Знаешь, Митька, у меня все время из головы не выходит:

ведь было время, когда на Руси...

– Было! Было! – совсем сонным голосом повторил Митька, явно только для того, чтобы от него отстали.

– Да нет, ты послушай! Ведь вот если удастся свергнуть немца, то это станет известным тогда лишь, когда все совершится и окончится; конец действия всем будет ясен, и так и история его и отметит; ну а кто знает, когда, собственно, и где оно началось? И, может быть, мы вот теперь говорим, а оно начинается, и никто никогда этого не узнает... А оно начинается!

Митька ничего не ответил, и только его сочный храп с присвистом показал, что он уже спит.

Черное домино

При жизни Анны Иоанновны Бирон, будучи страстным игроком, проводил вечера за картами. Теперь, когда тело императрицы стояло еще во дворце, где жил Бирон, ему предаваться карточной игре было неудобно, и он обыкновенно в послеобеденное время приглашал к себе того или иного сановника под предлогом обсуждения важных государственных дел. Между тем это делалось по другим поводам: он подозревал кого-нибудь, и ему хотелось убедиться в личных разговорах, что против него никто не замышляет.

После своего разговора с Остерманом и Минихом о том, что они, как немцы, должны поддерживать друг друга, Бирон верил им больше других, так как рассчитывал, что слишком красноречиво им доказал их собственную выгоду в том, чтобы они держались его. Но все-таки Миних чаще других приглашался герцогом к обеду и вечером.

Раз, после одного из таких обедов, Миних вышел из дворца, укутанный в свой суконный военный плащ, и, ежась от волны холода и пронизывающего ветра, вскочил на опущенную гайдуком подножку и сел в карету. Гайдук захлопнул дверцу, быстро поднял подножку, крикнул кучеру: «Пошел!» — и вскочил на запятки. Тут только Миних почувствовал, что он в карете не один и что рядом с ним сидит еще

кто-то.

– Кто тут? – быстро спросил он и нагнулся к окну, чтобы опустить стекло и, очевидно, остановить карету.

– Неужели фельдмаршал Миних боится женщины? – прозвучал рядом с ним красивый, звонкий голос.

Миних обернулся. Как раз в этот момент свет, упавший из большого зеркального окна дворца, осветил внутренность кареты, и Миних увидел закутанную в черное домино женскую фигуру с черной маской на лице.

– Я ничего и никого не боюсь! – сказал он. – Но только к чему этот маскарад?

– Под маской удобнее разговаривать, – спокойно ответили ему. – То, что скажешь под маской, никак нельзя сказать просто, а потом, может быть, я вовсе и не красива!

– Вот этого я не думаю! – проговорил Миних, которому голос маски успел уже понравиться, и его воображение, довольно тонкое несмотря на зрелые года, нарисовало ему привлекательный женский облик. – Ты мне вот что скажи, маска, – продолжал он, – ты мне друг или враг?

– Я думаю, Миних привык встречать врагов на поле сражения, а не у себя в карете, да еще в черном домино!

– А как ты решилась одеть это домино? – спросил он. – Ведь теперь по случаю смерти императрицы всякие маскарады запрещены?

– Уж будто всякие?

– Однако, такой указ издан.

– Тогда что же не исполняется этот указ в самом дворце?
– В самом дворце? Но кто же там рядится?
– Рядятся там все, и все носят личину! Герцог Бирон первый!

– Герцог Бирон?
– Конечно! Он носит личину дружбы к тебе, когда на самом деле...

– Молчи, маска! Это – не твоего ума дело!
– Почему же ты знаешь, каков мой ум, если и лица моего не видишь?

– Во всяком случае, если у тебя и есть ум, то он слишком дерзок.

– Для того чтобы говорить правду, нужно быть дерзкой! Вот ты только смел и отважен, но не дерзок, и потому даже самому себе не решаешься сказать правду.

– Постой! Какую правду?
– Да то, что ведь герцог Бирон – только тень твоя; ведь твоими победами воспользовался он, ведь власть, которая в его руках теперь, по праву должна принадлежать тебе! Ты сильнее и честнее всех, а должен кланяться какому-то выходцу из конюшни!

– погоди, маска! Ты, кажется, хочешь втянуть меня в заговор?

– Разве так поступают заговорщики? Нет, я веду просто с тобой маскарадный разговор, мне захотелось поинтриговать тебя, потому что все, что я о тебе знаю, правится мне! В мас-

караде я с тобой встретиться не могла, потому что, ты сам сказал, маскарады запрещены, и вот я решилась сесть в твою карету. Впрочем, может быть, меня и на самом деле нет, а это только тебе кажется, что я тут, возле тебя?

– Но ведь я явно слышу твой голос!

– Это, может быть, – голос твоих желаний и стремлений, голос тайника твоей души?

– Ну а что если я, чтобы убедиться, что ты существуешь, отвезу тебя сейчас в кордегардию и велю там снять с тебя маску, чтобы посмотреть, кто ты такая?

– Ты шутишь, конечно? Миних не может так поступить с женщиной, которая доверилась ему.

– Хорошо! – сказал Миних. – Подай мне все-таки свою руку.

Она исполнила его желание. Ручка была маленькая, затянутая в черную перчатку.

– Кто бы ты ни была, – произнес после некоторого молчания Миних, – но ты очень искусна в разговоре!

– К сожалению, только в маскарадном разговоре, а я хотела бы, чтобы ты серьезно подумал о том, что я говорила тебе.

– Если мне отнестись серьезно к тому, что ты мне говорила, то я по закону должен буду сообщить по крайней мере в Тайную канцелярию.

– И, полно! Что я сказала такого особенного? Что ты велик своими победами? Но это всем известно и без меня; ведь у тебя дома на стене висит ковер, на котором сделана над-

пись: «Тот истинно велик, кто похож на Миниха!»

– Ты бывала у меня в доме?

– Может быть и была!

В это время карета остановилась у ворот миниховского дома.

– Мы, кажется, приехали? – сказал Миних. – Может быть, ты, маска, хочешь войти?

– О нет! Этого я не хочу! – рассмеялась она. – А вот что, вели-ка карете проехать еще хоть на Невскую першпективу до Фонтанной и назад.

– Зачем это?

– Я не успела сказать тебе еще все, что нужно. Да неужели тебе так со мной скучно, что ты не хочешь исполнить мою просьбу?

– Пошел по Невской першпективе до Фонтанной и назад! – приказал Миних в распахнувшуюся дверь гайдуку.

Дверца в тот же миг захлопнулась, гайдук крикнул кучеру, и карета снова покатилась.

Вот так делаются дела

– Вот что, фельдмаршал Миних! – сказала Миниху маска, как только карета отъехала от его дома. – Мы сидим теперь в карете, которая обита стеганым штофом, и окна у нее подняты; никто не услышит нас – даже гайдуки, стоящие на запятках, потому, что кроме всего, наши слова заглушаются еще и стуком колес. Донести на тебя я не могу, потому что, во-первых, сама должна бы донести на себя самое; а во-вторых, никто бы мне не поверил, что я очутилась у тебя в карете и каталась с тобой. Поэтому мы можем разговаривать свободно, и ты меня слушай без стеснения. Ты – слишком предприимчивый человек, чтобы оставаться бездеятельным, когда тебя обижают.

– Разве меня обижают? – усмехнулся Миних.

– А разве нет? – воскликнула она. – Разве не обида то, что делают с тобой? Тебе отказали в герцогстве Украинском, тогда как Бирона сделали герцогом Курляндским. Ты по праву желаешь быть главнокомандующим войсками, которые ты водил в бои, а тебе в этом отказывают и отвечают тем, что дают тебе место чуть ли не камеристки принцессы Анны Леопольдовны!

– Ну довольно! Будет об этом! – остановил ее Миних.

– Хорошо! Об этом я не буду говорить, потому что все

это ты и без моих слов отлично чувствуешь. Ты только не знаешь, как начать, но действовать ты готов!

– Почему ты это знаешь?

– Потому, что иначе ты не был бы Минихом!

– А кто мне поручится, что ты – не подосланная ко мне шпионка?

– Кем подосланная? Ведь только герцог мог подослать меня; но зачем ему это делать, когда он и без этого знает, что ты – его враг?

– Откуда же он может знать это?

– Он знает это оттого, что вы слишком непохожи друг на друга. Такой человек, как Миних, не может не быть врагом такого человека, как Бирон, и герцог чувствует это. Но я понимаю, что тебе трудно начать, что ты не знаешь, как приступить к этому делу. Ну так начнут другие, помимо тебя, а ты пользуйся обстоятельствами, хотя, конечно, если бы ты захотел, ты бы мог помочь. Ведь вся суть теперь в принцессе Анне Леопольдовне; надо, чтобы она получила смелость и решительность действовать, важен первый толчок.

– Право, когда я тебя слушаю, – перебил ее Миних, – мне кажется, что, не будь у тебя твоей маленькой ручки и звонкого голоса, я подумал бы, что со мной говорит мужчина с хорошими мужскими мозгами.

– Мужчины ты не слушал бы! Так вот, дело в том, чтобы принцесса решилась на первый шаг. Ну хоть переехать на жительство в Зимний дворец и увезти туда сына!

– Кто же ей скажет об этом?

– Принцесса Анна – женщина, и с ней нужно действовать по-женски. Она, наверно, интересуется гадалками, ворожеями.

– Почему ты так думаешь?

– Потому, что она – молоденькая! Потому, что женщина, и потому, что влюблена!

– Ого!

– История с графом Линаром ни для кого не секрет, а влюбленная молодая женщина, в особенности если предмет ее любви в отдалении, не может не интересоваться гадалками. У меня есть хорошенькая француженка гадалка! Надо провести ее к принцессе, а она уж наговорит так, что Анна Леопольдовна получит необходимую ей бодрость.

– Но чем же я тут могу помочь?

– Да больше ничем, как только указанием своему сыну Иоганну на то, что есть хорошенькая француженка-гадалка. Пусть он скажет об этом своей жене – Доротее, а та – своей сестре Юлиане.

– А где живет эта гадалка? – спросил Миних.

– Ремесло у нее такое, что ей нужно скрываться, поэтому она своего адреса не даст.

– Но как же тогда быть?

– А вот это надо придумать. Самое лучшее, чтобы присланный пришел в кофейню Гидля и там сказал за прилавком, что просят француженку Дюкар туда-то; она уж придет.

Мне кажется, что это будет лучше всего.

– Но как же ты хочешь, чтобы я провел к принцессе под видом гадалки совсем незнакому француженку?

– Какой ты смешной! Ведь вовсе не ты проведешь ее: ты тут останешься совсем в стороне.

– Но какое ручательство в том, что тут нет никакого предательства и что эта француженка действительно достойна того, чтобы привести ее к принцессе?

– Никакого ручательства нет, кроме разве моих слов. Но в данном случае мне должна помочь твоя проницательность. Я ни с кем не решилась бы на этот разговор! Но ты можешь оценить то, что я – не дура, и рассудить, что если я – не дура, то могу найти подходящую француженку!

– Что же, ты ее подкупишь, чтобы она говорила то, что ты хочешь?

– Миних, обзови уж лучше меня дурой, вопреки моему самомнению, чем говорить такие вещи; человек, работающий из-за денег, сегодня служит одному, а завтра будет служить тому, кто даст ему больше! Нет, моя француженка будет действовать в своих интересах!

– В каких интересах?

– Ну разумеется в любовных!

– А-а, это дело другое! Но по крайней мере скажи мне, сделай милость, сама-то ты кто такая?

– Нет, ты положительно смешной! Зачем тебе нужно отягощать себя лишним? Ведь теперь ты можешь дать кому

угодно честное слово, что не знаешь, откуда и как явится француженка, а если я назову себя, то установится между нами совершенно не нужное для тебя знакомство! Неужели ты не понимаешь, что я из деликатности, ради тебя надела эту маску и домино? Ты помни только одно: я тебя ни к чему не обязываю и ничего от тебя не требую; поступай как знаешь, по личному своему разуму и опыту. Однако, вот мы и приехали! – сказала она, увидев, что карета снова остановилась у ворот минихского дома.

– Ты положительно не хочешь выйти со мной? – спросил Миних.

– Положительно не хочу.

– Но как же мои гайдуки? Ведь они могут поднять шум, заметив тебя в карете?

– Важное дело, что фельдмаршал Миних проехался в своей карете с женщиной!.. Как будто это случилось в первый раз!

Маска была права: это действительно случилось не в первый раз.

– Но все-таки помни, что я решительно ничего не сделаю из того, что ты мне тут наврала! – сказал Миних, выходя из кареты.

Один из двоих гайдуков, стоявших на запятках, откинул подножку и, высадив Миниха, повел его к входной двери, а другой отворил карету с противоположной стороны и, не откидывая подножки, выхватил высунувшуюся к нему маску

в домино, и оба они исчезли в темноте.

Под домино и маской оказалась Грунька в своем суконном плаще и шелковом расфуфыренном платье.

Человек, высадивший ее из кареты, был, разумеется, Митька, одетый гайдуком Миниха.

– Ну что? Удалось тебе? – спросил он.

– Удалось! – ответила она. – Он сказал мне, что не станет меня слушать, но это – верный признак того, что он сделает все так, как я ему сказала.

Селина де Пюжи

Предположения Митьки оправдались с совершеннейшей точностью.

Француженка Селина де Пюжи была в Дрездене в «амурных», как тогда говорили, отношениях с графом Линаром и явилась одним из многих мимолетных увлечений красивого и богатого молодого вельможи.

При саксонском дворе того времени, соперничавшем в пышности и блеске с версальским, были прочно установлены легкие французские нравы, которые предписывали молодому мужчине одновременно иметь три любовные связи: одну — с женщиной легкого поведения — по-тогдашнему с метреской, другую — с какой-либо дамой общества, лучше всего замужней, и наконец, молодой человек непременно должен был наряду с этими двумя питать любовь платоническую к какой-нибудь девице, томной и жеманной конечно, за которой он ухаживал открыто. Чем чаще менял светский «любезник» эти три любви, тем больше у него было завистников, и тем успех у женщин был ему более обеспечен.

Селина де Пюжи была одной из метресок Линара, с которой он, повозившись некоторое время, вздумал расстаться, полагая, что это так же легко удастся ему, как удавалось до сих пор с другими.

Но в данном случае он ошибся. Селина, вопреки всякой моде и обычаю, влюбилась в него настолько, так крепко-цепко, что никак не хотела примириться с этой разлукой. Она находила, что лучше, умнее и привлекательнее, чем была она, нет женщины на свете и что поэтому такой наделенный всеми достоинствами человек, как граф Линар, не должен покидать ее.

Чтобы отделаться от француженки, он ей сказал, что должен ехать в Петербург, и действительно уехал из Дрездена так быстро, что Селина не сразу смогла опомниться.

Она продала все, какие у нее были, драгоценности и тоже отправилась в Петербург в надежде найти там Линара и снова вернуть его к себе. Для нее, француженки, возвращение в Петербург графа было весьма правдоподобно, потому что она знала из его рассказа в минуту откровенности, что в России у него было что-то такое с русской принцессой.

Приехав в Петербург, Селина отправилась во французское посольство, разыграла роль путешествующей маркизы, и ей помогли найти дом и обставили его, как нужно. Но ни с кем из трех нанятых слуг она не могла разговаривать, потому что они были русские и не понимали по-французски. Бывшая у нее в Дрездене горничная-француженка отказалась ехать в Россию, испугавшись нравов «дикой» северной страны, как она говорила.

По совету посольского чиновника Селина опубликовала в «Санкт-Петербургских ведомостях», что ей нужна горнич-

ная, знающая французский язык; по этой публикации явилась Грунька и была нанята без дальних разговоров.

В первый же день де Пюжи стала ее спрашивать, как найти в Петербурге графа Линара, а через два дня Грунька знала всю ее историю и могла сообщить Митьке, что его предположения вполне оправдались и правильны.

Тут они оба выработали план, и первым шагом к его выполнению была отважная поездка Груньки в карете Миниха с самим фельдмаршалом.

В подробности этой поездки француженка посвящена не была; ей только было сказано, что Грунька отправилась за справками относительно графа Линара и что для этого ей нужна шелковая роба и черное домино с маской.

Само собой разумеется, что всё это ей дала Селина, которая с нетерпением ожидала ее возвращения, беспокоясь, ходя по комнатам своего кокетливо обставленного домика.

– Ну что, ты узнала что-нибудь? – сейчас же стала спрашивать Селина, как только Грунька появилась в дверях.

Грунька, уже наученная Митькой, как и что говорить, произнесла таинственно и весьма доверительно:

– Его еще здесь нет, но ждут, что он приедет.

– Неужели же это правда? – воскликнула француженка.

– Так по крайней мере говорят! – стала рассказывать Грунька. – Главное, все зависит, конечно, от принцессы, но надо ее подтолкнуть, чтобы она решилась.

– Решилась? На что?

– Дать свое согласие на приезд графа Линара в Петербург, а это зависит от нее. И вот появилась возможность подтолкнуть ее, но в этом деле не обойдется без вас!

– Без меня? – удивилась француженка.

Дело было в том, что Грунька хотя сравнительно очень недурно говорила по-французски, но все же руководствовалась при этом не столько тем, что хотела выразить, сколько теми словами, которые знала; поэтому Селина не всегда могла отчетливо понять ее.

– Да! Тут существует целый план... понимаете?.. План! – стала пояснять Грунька.

– Какой же это план?

План действий

– План вот какой! – сказала Грунька. – Хотите видеть принцессу, вашу соперницу?

Селина де Пюжи была уверена все еще, что Линар покинул ее ради русской принцессы, и Грунька ее в этом не разубеждала.

– Я? Видеть принцессу? – удивилась Селина. – Но как же это будет?

– Очень просто! Вы должны будете разыграть роль гадалки, под видом этой гадалки будете проведены к принцессе Анне Леопольдовне и скажете ей все, о чем мы с вами условились.

– И это – правда?

– Клянусь вам.

– Ты – золото, а не девушка. Само Провидение послало мне тебя. Недаром мне моя мать сказала: «Помни, Селина, когда я умру, я буду за тебя молиться там, и Провидение будет хранить тебя». А она умерла, моя бедная мать! Но только я боюсь, сумею ли хорошенько разыграть роль гадалки.

– Влюбленная женщина – вы ведь влюблены в графа Линара – сделает все, что нужно, и сумеет все!

– О да! – подхватила француженка. – Как хорошо ты это сказала! Влюбленная женщина сумеет все!

– Тем более, что это так легко! О прошлом вы можете рассказывать такие подробности, какие граф Линар мог сообщить вам, но принцесса же этого подозревать не может, а потому будет поражена и уверится в вашем искусстве; а затем, раз уверившись, поверит и во все, что вы ей скажете о будущем.

– Но что я ей скажу о будущем?

– Что она должна действовать с открытой энергией, что она должна выписать графа сюда, в Петербург.

– Но постой! – остановила ее Селина. – Как же это так? Я должна сама своей сопернице подсказывать мысль, чтобы она скорее вызвала сюда графа и была с ним счастлива, когда я... нет, ни за что! Ты с ума сошла!

– Но граф все равно приедет и без того, и все равно они увидятся и будут счастливы, если вы не встанете между ним и ею!

– Да, все равно они будут счастливы! – вздохнула Селина.

– Ну так вот и нужно помешать этому!

– О да, нужно помешать! Но как?

– Посоветовать принцессе побыстрее выписать сюда Линара. Ведь чем скорее он приедет, тем скорее вы и сами увидите его!

– Ах да, это правда! Ведь тем скорее я сама увижу его.

– А затем, – таинственно продолжала Грунька, – надо внушить принцессе, чтобы она начала смелее действовать против Бирона. Герцог-регент Бирон будет, конечно, сильнее ее

и, раз она пойдет против него открыто, сам того не зная, станет вашим сообщником, может быть, низложит принцессу и заключит ее в монастырь.

– О-о! – пролепетала француженка.

– И вы будете отмщены! – заключила Грунька.

– Да, я буду отомщена! Все это придумано гениально!

– Мы, русские, привыкли к этому! – вдруг ни с того ни с сего ляпнула Грунька, больше для того, чтобы сказать хоть что-нибудь.

– Я только теперь начинаю узнавать русских! – сказала Селина. – Недаром ваша империя стала так могущественна и сильна! Но что будет, если принцесса окажется сильнее герцога-регента и сумеет сделать так, что победа будет на ее стороне? Ведь это создаст ей новый ореол, а мы потеряем все!

Однако и на этот вопрос у Груньки был уже готов ответ.

– В России есть другая принцесса, – понижая голос до шепота, сказала она. – Это дочь Петра, великого императора. Народ обожает ее и не желает видеть на престоле другую. Теперь она еще не может вступить в открытую борьбу против принцессы Анны и герцога Бирона, когда они вместе. Но, если принцессу оставить одну, хотя бы и победив Бирона, она уже не сможет быть такой страшной для дочери Петра, и дни ее властвования будут сочтены. Вы меня понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.